

A man with a dark beard and hair, wearing a black polo shirt, sits on a brown leather sofa. A woman with long blonde hair, wearing a red sweater, lies on her back in front of him, looking towards the camera. The background is a brick wall with a staircase on the left. The lighting is warm and dramatic.

МАРИКА
КРАМОР

16+

ДЕВОЧКА
БЕРКУТА

Марика Крамор

Девочка Беркута

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67962957

SelfPub; 2022

Аннотация

Опасный, властный, жестокий. Меня силой затолкали в незнакомую машину и привезли к нему. Теперь я заперта в его доме без средств связи и права голоса.

– Боишься меня?

– Боюсь, – отвечаю еле слышно. Мужчина наклоняется, едва касаясь жесткими губами моего разбитого колена.

– Тогда... – уверенно накрывает ладонью бедро. – Заставь меня остановиться.

От автора: ДИЛОГИЯ. Цикл БЕРКУТ. Книга первая.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	57
Глава 16	59
Глава 17	63
Глава 18	66
Глава 19	70
Глава 20	72
Глава 21	76
Глава 22	81
Глава 23	84

Глава 24	87
Глава 25	91
Глава 26	94
Глава 27	99
Глава 28	103
Глава 29	108
Глава 30	113
Глава 31	119
Глава 32	122
Глава 33	127
Глава 34	130
Глава 35	133

Марика Крамор

Девочка Беркута

Глава 1

– Нет! Не надо! Ну, пожалуйста! Отпусти!

Все происходит стремительно и будто не со мной, а сердце замирает от ледяного ужаса. Страх пронизывает меня, голос срывается. Упираюсь ладонями в прохладный металл, стараюсь не поддаться и не согнуть руки в локтях.

Но мужчина в капюшоне наваливается всем телом, сдвигая мои руки к центру, и, несмотря на яростные попытки сопротивления, все же одерживает победу. Он сильнее. Он мощнее. Он... безумный зверь.

– Резче давай! – слышу грубый окрик и понимаю, что внутри меня все дрожит от страха и ужаса. – Некогда уже. Потом поломаешься.

Ему удастся затолкать меня в машину, а сам он усаживается рядом. Тут же я слышу хлопок. Раз... и путь к отступлению отрезан. Автомобиль моментально трогается с места, а я, не совсем осознавая, что делаю, в панике дергаю за ручку. Вновь и вновь. Но та даже не реагирует. Она просто в холодную, легко поддается движениям моих пальцев! Не открывается! Не открывается! Не открывается!!! А машина уже

успеваает набрать скорость. В отчаянии я жмусь к двери, но что толку?

Меня парализует от ужаса. И даже пальцы уже не слушаются.

Тяжело сглатываю и поворачиваю голову вправо. Из глаз льются слезы. Безостановочно. Мне настолько страшно, что любые слова застревают в горле.

Мужчина стягивает капюшон и проводит ладонью по волосам. Улыбается вдруг. Но улыбка звериная. Безумная. И больше походит на оскал.

Мгновение, и мы встречается взглядами. Его – насмешливо-твердый. Мой – испуганно-беспомощный.

Хочется отползти от него в сторону на несколько сантиметров. Лишь бы между нами было хоть какое-то расстояние. Лишь бы он меня не трогал.

Ну, пожалуйста! Кому я что сделала плохое в этой жизни?!

Я молчу, глотая слезы, понимаю, что лучше вообще ничего не говорить и не спрашивать, зачем они меня засунули в машину и увозят в неизвестном направлении. Ответ меня убьет раньше, чем они.

За окном темно. Капли дождя глухо барабанят по стеклу.

Еще немного и я лишусь чувств. Мне дурно, и к горлу подкатывает тошнота. Двое мужчин и я в запертой машине. Размазывая слезы по щеке, я смотрю прямо перед собой, но боковым зрением не выпускаю из виду этого зверя. С води-

тельского сидения раздаётся тихий свист и спокойное:

– Ничего такая. Амбал превзошел сам себя.

– А Беру по жизни везет, – звучит грубый ответ. – Ему как на подбор. То ли дело мы. Жрем, что останется. Да, красота моя?

О чем они говорят, не понимаю. Это он ко мне обратился?

Ужас захлестнул новой волной, когда мужчина хлопнул меня по ноге на слове «красота».

В моих глазах, наверное, отразился весь ужас. А я насколько смогла, отшатнулась в сторону.

– Золотце. Переигрываешь сильно, но мне по кайфу, – мужчина наигранно поцокал языком. – А ты ничего. Слушай, – накрывает огромной ладонью мое колено и плавно, медленно проводит вверх. – А может со мной сначала, а?

Внутри меня все трясется от страха. Что? Что «с ним»?!

Дрожащими пальцами я отрываю от себя настойчивую, липкую ладонь и брезгливо откидываю в сторону руку мужчины. А самой хочется продезинфицировать пальцы. Фу...

– Отпустите, – голос не слышится.

Возможно, мой тихий ответ так и остался лишь в моем воображении. Я не знаю точно.

Мужчина отвернулся и начал насвистывать неизвестную мне мелодию.

– Да заткнись ты. Задрал, – вновь раздался с водительского сидения скрипучий голос, от которого я еще больше вжимаюсь в сидение. – Подъезжаем.

– А хорошо он устроился. Мне бы так.

– Если б ты столько пуль поймал, сколько он, сдох бы уже давно.

– И долго еще ждать?

– С Марибом порешаем, и Беркуту полетать можно будет.

У мужчины, который возле меня, звонит телефон. Я боюсь пошевелиться и даже рот открыть. А вдруг можно будет убежать, когда мы остановимся? Ну и что, что темно? Затеряюсь в кустах. А если нет... то... то...

У похитителя звонит телефон.

– Ну ты хоро-ооош, такую цыпу подобрал. Да, летим уже. С Яночкой, да, – ну откуда он знает мое имя?! – Чего? Не вкурил, – мужчина резко напрягается и поворачивается в мою сторону. – В смысле, ты рядом с ней стоишь? Эээ... А ну погоди-ка...

Тут он заслоняет динамик телефона, резко наклоняется ко мне, противно обжигая несвежим горячим дыханием, я прикрываю глаза и приникаю к окну.

– Эй, душа моя, тебя как звать-то?

Я медленно-медленно поворачиваюсь к нему, не веря, что такое вообще возможно. Тяжело сглатываю и, давясь слезами, произношу едва различимо:

– Яна.

– И ты Амбала не знаешь, да?

Я молча трясую головой, слова даются мне слишком тяжело.

– Ну ё-моё, – откидывается на спинку сидения. – Меня Бер уроет.

– Уже можешь яму копать, ущербный. Мы приехали.

– Отбой, – грубо заканчивает разговор незнакомец. – Да у себя ее уже оставь.

Как это у себя?! А со мной теперь что будет?!

Машина тормозит. Неизвестный грубо хватается за рукав и раздраженно тянет на себя, буквально вышвыривая меня из машины в грязь. Больно. Он слишком сильно сжимает пальцы. Чуть руку не сломал.

Приземляюсь я не очень удачно.

Одежда намокает. Волосы уже испачканы. Джинсы заляпаны грязью. Крупные капли остались где-то позади: здесь моросит мелкий дождь и противно плюет в лицо.

Мужчина что-то вытаскивает из багажника. А я стою рядом, трясусь как осиновый лист, обхватив себя руками. Редкие потоки холодного ветра развевают спутавшиеся волосы. Только сейчас я понимаю, что замерзла. Уже темно, но глаза медленно привыкают.

Вокруг нас высокий забор. Во дворе небольшой домик. Он старый и обшарпанный, но кажется надежным. Еще в стороне я замечаю вольер с собаками.

Свирепый оскал, громкий рык, грозно прижатые к голове уши, голодный блеск в глазах и ощетинившаяся поза...

Мамочки... что это за место. Что это за люди... и люди ли...

Внезапно на дорожке появляется полоска света, дотягивается до машины. На крыльце возникает высокая, мощная фигура – даже на расстоянии от нее веет опасностью и несгибаемой силой – и быстро приближается к нам.

Из машины тут же выбирается второй мужчина – тот, что занимал водительское сидение. И позволяет себе коротко рассмеяться.

Тут же я слышу глубокий, низкий мужской голос со стороны дома:

– Че ржешь?

– А он девчонку перепутал, – звучит радостный ответ, а мне вообще не весело.

Может, они меня сейчас отпустят? Ну, пожалуйста...

Незнакомец замирает, я кожей чувствую его неприятный взгляд. К тому же я только сейчас понимаю, что он в такой холод вышел на улицу в одной майке и спортивных штанах.

– В смысле, перепутал? – слышу угрозу в голосе.

– Да тебе какая разница?! Ты просил бабу? Я привез. Пожалуйста!

Мне не видно лица незнакомца, оно скрыто тенью. Он стоит в пол-оборота. Но по раздражению в голосе, грозным ноткам и возмущенному тембру, я понимаю, что мужчина в ярости.

– Ты че... дебил?! Какая это баба?!

Глава 2

– Обычная.

– Ты посмотри на нее! Да мне с дуплом интереснее будет!

– Нормальная баба. Смотри, рот какой! Огонь!

– Мне этот рот, по твоей милости, теперь всю неделю еще кормить. Минимум! Жратву хоть не перепутал?

– В пакете, не кипишуй. Не, Бер. Че ты начинаешь? Ну сам не хочешь – мне отдай. Мне нравится.

Как же хочется отмыться от противного, липкого взгляда, от которого потеют ладошки. И спрятаться негде. И бежать страшно...

У меня по спине ползут мурашки, а на лице противная, морозящая влага. Я нервно оттягиваю вниз рукава свитера и перехватываю их так, чтобы не было видно пальцев. Это дает капельку хоть и мнимой, но безопасности.

– Нравится ему... А если ее кинутся?!

– Да кому она нужна! Она же ничья.

– А ты уверен, что тебе ее не подсунули? И она дорогу видела.

– Если дело только в этом, то я уже точно все забыла, – неуверенно подаю голос. Я вообще не понимаю, где мы. Только пусть они меня отпустят.

Воцарилось тягостное молчание. Я делаю шаг назад. Тем

самым еще больше обращая на себя внимание.

– Да не гони ты. Я ее случайно подобрал.

– И что? Телефон давай.

– Чей?

– Ее, баклан!

Три пары глаз устремляются на меня. А я делаю шаг назад. И прижимаю к себе маленькую сумочку. Там мой единственный шанс на спасение, как я сразу не подумала. Надо было хоть смс отправить. Только кому?

– Крошка, дай телефончик по-хорошему.

– И чем ты только думаешь?

Чувствую, как меня тянут за руку. Я совсем не уловила момент, когда мужчина, который сидел со мной рядом, схватил меня за запястье и рванул на себя мою сумку. Стою, слегка покачиваясь, ноги как ватные.

Я даже не сопротивляюсь. Пусть берут, что хотят, только меня не трогают.

Похититель вытаскивает мобильный и кладет к себе в карман. А сумку отдает мне.

Стою ни жива, ни мертва и слышу резкий, оглушающий приказ.

– В дом ее.

И вот тут меня просто накрывает паника. Как это «в дом»?! Не надо «в дом»! Как только чувствую крепкую руку на талии, начинаю кричать:

– Пожалуйста, ну не надо! Ну, я же ничего вам не сделала!

Это недоразумение! – упираюсь в грудь своему обидчику. – Я вообще ничего не видела! И не слышала! Ну, отпустите! Пож...

Широкая ладонь закрывает мне рот, а кажется, что на лице какая-то мерзкая грязь.

Меня отрывают от земли, как пушинку, и несут вперед. В дом. Туда, откуда мне уже не выбраться без потерь. Я брыкаюсь, пытаюсь вырваться и оттолкнуть от себя губителя. Мне так страшно... даже ударить его страшно. Вдруг он мне в ответ голову проломит. Или надругается прямо здесь, на крыльце. В присутствии остальных мужчин...

Изнутри меня бьет дрожь, слезы безостановочно льются. Запястья перехвачены. Ноги оторваны от земли.

А впереди меня маячит огромная, мощная спина. Открывается дверь. Я кричу в мужскую ладонь, но она бессовестно заглушает мое слабое сопротивление.

Я в ловушке. И ни одного шанса на спасение.

Мучитель толкает меня вперед, и дверь со стуком захлопывается за нашими спинами.

Глава 3

Конечно, удержаться на ногах мне не удастся. С тихим вскриком я лечу на пол и ударяюсь лицом обо что-то твердое. Мгновенная вспышка ослепляет. Острая боль обжигает, но адреналин тут же легко притупляет ее. Только потом я понимаю, что ударилась об угол стены. Или какой-то выступ. Болит жутко чуть выше глаза.

Я стираю влагу со щек, поворачиваюсь лицом к мужчине, который толкнул меня, чтобы заметить и постараться предотвратить возможные дальнейшие действия. Подтягиваю к себе колени, обнимая их обеими руками, облокачиваюсь о стену. Стараюсь не всхлипывать. Да и вообще пытаюсь слиться с обстановкой и стать невидимкой. Вдруг они про меня забудут?!

Мужчина в майке хмурится и совершенно неожиданно делает два шага по направлению ко мне. Садится на корточки и заглядывает мне в лицо. Медленно протягивает вперед руку. А я резко отшатываюсь, максимально вжимаясь в стену.

Чувствую легкое прикосновение к брови и тут же вскрикиваю от ужаса, отворачиваюсь, вцепившись пальцами в сумочку.

Поднимаю взор и сталкиваюсь с внимательным острым взглядом. Этот мужчина страшнее остальных.

Бородатый. Огромный. Его плечи... Я таких широких ни-

когда не видела.

Весь в мускулах. Бугры мышц выглядят устрашающе. Такая мощь скрыта в них. Из-под лямок майки и на плечах замечаю кусочки татуировок. Перья. И пусть почти весь рисунок скрывается под майкой, это все равно выглядит устрашающе. Как будто птица грозно раскрыла крылья и теперь уверенно пикирует.

Он опускает взгляд на свои пальцы. Я делаю то же самое. И вижу кровь на его коже. Мою кровь.

Провожу рукой по брови, ощущая липкую влагу, понимаю, что сильно поранилась. Нужно как-то остановить кровотечение.

Мужчина тяжело вздыхает и поворачивает голову в сторону моего обидчика. Протягивает руку и произносит коротко, но так жестко, что я подтягиваю колени к себе еще ближе.

– У нее кровь.

Мой мучитель быстро делает шаг назад и опасливо оправдывается:

– Не, ну я ж не хотел!

– Где продукты?

– Во дворе остались.

– А тогда ты здесь что забыл? Ломанулся резче за ними.

Мужчина многозначительно кивнул на дверь. А его собеседника как ветром сдуло.

А тот, который вел машину, прошел вглубь дома.

Я надеялась, что незнакомец отойдет от меня и последует

за своим другом, но я ошиблась.

– Иди, на диван пересядь, – звучит сухой приказ.

Я в ужасе мотаю головой. Из глаз снова льются слезы. Страх сковывает горло, а я даже ответить ничего не могу. Выдавить из себя любой, даже самый короткий ответ просто не получается.

Проглотив застрявший в горле комок, одними губами шепчу, не в силах придать голосу твердости:

– Можно, я уеду? – то ли он не расслышал, то ли сделал вид. Поднялся на ноги и протянул мне руку, с которой только что стер алое пятно.

– Здесь по полу дует. Иди в гостиную.

Я лишь коротко мотаю головой вместо ответа. Его черные глаза прожигают насквозь. Он ждет моей реакции.

Кажется, слушаюсь его – и наказание не замедлит себя ждать. Уверена, он очень жестокий, холодный человек без сострадания.

Мне страшно. Такого дикого, парализующего ужаса я никогда раньше не испытывала.

Желая раствориться под его тяжелым взглядом, еле-еле встаю, боясь даже притрагиваться к мужской ладони, обхожу, не сводя с нее взгляда, и медленно двигаюсь спиной вперед в комнату. А хозяин дома медленно наступает. Я натыкаюсь на что-то прохладное и замираю, едва успевая заглушить вскрик ужаса.

За что это все? Почему меня нельзя отпустить? Это же

чудовищная ошибка.

Сзади раздается насмешливый голос:

– Ну. Присаживайся, красота.

Глава 4

Внутри все обрывается. Я, резко оборачиваясь, нахожу взглядом мужчину, того самого, который сидел за рулем, пока мы сюда ехали.

– Хакер, не пугай девочку еще больше.

Как можно быстрее я отодвигаюсь в сторону и, стараясь не выпускать обоих мужчин из поля зрения, пятаюсь назад, вновь натыкаюсь на стену.

Чувствую себя в западне, но хоть так. Зато со спины никто не приблизится и не нападет неожиданно.

Внезапно дверь распахивается и с оглушительным хлопком стучит о стену. Я подпрыгиваю от неожиданности.

– Все, оставил тут.

Мой мучитель заходит в комнату и кладет пакеты на пол.

– Ну? Командуй. Дальше что?

Хозяин дома переводит отстраненный взгляд на «водителя» и холодно бросает ему:

– Забирай его, и проваливайте.

– Как ты сегодня? – вместо ответа звучит спокойный вопрос.

– Живой.

Мужчина поднимается с дивана, идет к выходу и с непроницаемым выражением лица произносит:

– Если что-то понадобится, свистни.

Цепляет за предплечье друга и тащит его за собой.

Хакер умудряется отвесить шутливый поклон, и оба мужчины выходят на улицу.

Бородатый следует за ними, на ходу бросая мне холодное:
– Собак выпущу и вернусь.

Дверь за ним закрывается тихо.

А я отмираю и поднимаюсь на ноги. Быстро осматриваюсь.

Гостиная совмещена со столовой. В центре комнаты стоит огромный диван из потертой коричневой кожи. Немного в стороне – стол с тремя стульями и табурет. Плита, несколько выдвижных ящичков. Два навесных. Все добротное, массивное, деревянное. Совершенно непривлекательное и старомодное.

В раковине грязная посуда. На потертой клеенке стола видны крошки.

Неприятно здесь. Темно и атмосфера давит.

Я вдруг отмираю и бегу к окну. Отодвигаю в сторону шторы. Ставни старенькие. Деревянные. Двигаю щеколды. Пытаюсь отворить – никак. Залезаю на подоконник. Сильнее дергаю за ручку на себя – снова нет. Быстрее, быстрее! Он сейчас вернется! Не выходит. Еще! Нет! Снова не выходит! Не получается! Закрашено. И только тут я понимаю, что мне не скряться. Но не потому, что окно не поддается.

А потому что прямо под окном пробежала огромная овчарка.

От испуга душа вновь ушла в пятки. Внутри снова все трясется от ужаса. И тут же я слышу аккуратный щелчок замка. И тихие приближающиеся шаги.

– Можешь не стараться, – глубокий голос звучит на удивление спокойно. – Через окно не получится.

Как только мужчина входит в комнату, я перехватываю его недовольный взгляд и тяжело сглатываю. Что он со мной сделает?

– Слезай.

– Что вам нужно?

– Слезай. Убьешься еще.

Я аккуратно перемещаюсь на пол, стараясь держаться на расстоянии. Диван – единственная преграда, которая нас разделяет.

Мужчина ловко подхватывает пакеты и несет к холодильнику.

Вытаскивает оттуда бутылку водки и откручивает крышку. Подносит горлышко к носу, немного морщится. Он прямо с горла пить собирается? Фу, отвратительно!

Открывает ящик. Вытаскивает полотенце.

Движения его вальяжные. Размеренные. А я стою, как замороженная, наблюдаю за ним. У самой поджилки трясутся, когда смотрю на него, но все равно разглядываю. Боюсь отвернуться. Вдруг он резко приблизится, вцепится в меня и уже не отпустит...

– Иди сюда, – вздрагиваю. В его голосе сталь. Я делаю еще

два шага назад и молчаливо мотаю головой.

Дьявольский, черный, страшный мужской взгляд прожигает насквозь. Рядом с Беркутом я кажусь маленькой и беззащитной. А он такой огромный, крепкий, мощный...

Мужчина понимает, что ничего от меня не добьется, я слишком потрясена и напугана. Тогда и он сам приближается. В одной его руке – бутылка. В другой – полотенце. А я в ужасе округляю глаза, готовая закричать на весь дом. Он мне рот полотенцем заткнуть собирается?!

Глава 5

– Да не бойся ты. Иди.

– Не подходите! – пячусь назад, но понимаю, что комната не резиновая. – Не трогайте меня!

– Да никто тебя не трогает, – он смотрит пристально, склонив голову на бок, и произносит с раздражением в голосе. – Рану обеззаразить надо.

– Что? – какую рану? Ах, да, у меня же, наверное, поллица в крови.

– Ну не хочешь меня подпускать, на, сама приложи.

Затыкает горлышко полотенцем, резко переворачивает бутылку и ждет, пока ткань пропитается.

Протягивает мне.

– Водкой не продезинфицировать рану. Нужен спирт.

Мужчина раздраженно закатывает глаза. Смотрится забавно. Такой бугай, огромный, бородатый, мускулистый. И такой детский жест отчаяния.

Хозяин дома смотрит на меня устало и повторяет:

– Прикладываем, говорю. Маленькая ты еще с папочкой спорить.

И смело шагает ко мне. Он теперь стоит прямо возле меня. А я взглядом упираюсь ему в шею. Назад отступать некуда. От мужчины исходит мощная волна уверенности и непоко-

лебимости. Несгибаемая воля и сила кроется в мускулах. И движения его обманчиво мягкие.

Он поднимает руку и прикладывает тряпку к моему лицу. Сначала стирает кровь с неповрежденных участков кожи. Затем смачивает водкой другой конец полотенца и прикладывает к ране. Я резко отшатываюсь и шиплю в ответ на нестерпимую боль.

Тогда мужчина наступает вновь, заставляя упереться лопатками в прохладную стену, и наваливается на меня своим весом, ставит водку на подоконник. Свободной рукой приподнимает мое лицо и вновь прикладывает ткань к лицу.

Я стою, парализованная от ужаса, и уже почти ничего не чувствую. Лишь мужское размеренное дыхание и твердость мускулов. Странно, меня бросает в жар, а боль притупляется. Я ощущаю близость крепкого тела, его твердость и тепло, мужской запах. На удивление приятный.

Слишком поздно я понимаю, что мужчина дует на мою рану. Совсем как раньше. Когда мама делала это в моем детстве, пока она еще была жива.

Глава 6

– Ну вот. Так лучше. Руками не трогай. Сильно болит?

Игнорирую его вопрос. Мне кажется, это сейчас не имеет никакого значения.

– Можно я уеду?

– Нет. Тебе придется побыть здесь недолго.

Он уже давно отодвинулся от меня, а я все еще нахожусь под впечатлением от мощи и твердости его мускулов. Как будто меня укрыло покрывалом его энергетики.

– Пожалуйста... – прошу совсем тихо, понимая, что решение останется непоколебимым.

– Отпустить сейчас не могу. Это всего на несколько дней. Не кипишуй.

Я не знаю, что еще сказать. Умолять? Просить? Требовать? Смешно. Если у него в голове уже существует какая-то схема, то я ее сломать точно не смогу.

– Ты голодная?

Внезапно бородатый оборачивается и буравит меня тяжелым взглядом.

А я в ответ лишь едва заметно мотаю головой.

– В доме три комнаты: две спальни и проходная гостиная, объединенная с кухней. Один санузел и пыльный чердак, – он кратко поясняет. – Белье в комодке найдешь. По поводу

шмоток ничем не могу помочь. И не обязательно от меня шарахаться. Я не кусаю просто так. Если бы хотел причинить тебе вред, я бы это уже сделал. Твоя комната самая дальняя. Иди.

Когда я поняла, что замок можно запереть, то мгновенно прокрутила ключ в замке.

Что уж говорить. Спала ночью я отвратительно: чутко и постоянно просыпалась, вслушиваясь в тишину. Утром проснулась ни свет, ни заря. Понадеялась, что хозяин дома еще в постели, и вышла из комнаты, дабы юркнуть поскорее в ванную.

И вот, я уже радуюсь в душе, что мне удастся остаться незамеченной и тихонько вернуться в свою комнату.

Как только я приближаюсь к уборной, дверь резко распаивается. На меня обрушиваются нотки кардамона и мандарина, смело проникая в легкие, а облачко пара тут же обволакивает. Но самое страшное другое. Я сталкиваюсь с пристальным янтарным взором...

Мой рот сам собой приоткрывается, я несмело опускаю глаза ниже, совершая этим непростительную ошибку. В один миг понимаю – никогда ранее настолько близко я не стояла к такому человеку. От него исходят особенные волны мужской привлекательности и грубой силы. Мне кажется, что даже свет вокруг нас померк, оставив лишь небольшой отблеск капелек воды на мускулистом торсе... А они переливаются, ослепляя своим сиянием и яркостью.

На груди мужчины яркая татуировка, от которой становится не по себе: огромная хищная птица, расправив крылья, свободно парит и устремляет на меня опасный взгляд. В этом рисунке столько энергии и ярости, что я невольно застываю. Очень хочется прикоснуться, провести подушечками пальцев, почувствовать жесткость темных перьев. Кажется, что я даже слышу завывания ветра, а птица вот-вот спикирует, задев меня мощным крылом. Только теперь пазл складывается в моей голове окончательно. Беркут...

– Нравится? – слышу насмешливое замечание, которое застает врасплох.

Как ошпаренная отпрянула.

Я тут же прикрываю рот, подбираюсь и резко отхожу назад. Как же глупо я забылась и осталась без внимания к происходящему.

Только сейчас понимаю, что мужчина обнажен только на половину: ниже живота замотан в пушистое полотенце. Внезапно щеки мои покрывает яркий румянец.

Неловкая ситуация.

– Извините, я задумалась.

Прячу взгляд и потихоньку отхожу назад. Страшно находиться рядом с таким... очень страшно.

Если намерения его друга были ясны и прозрачны, то мысли этого человека для меня загадка.

– Там сейчас жарко. Если немного подождешь...

– Да, я попозже зайду.

Стараясь поскорее скрыться с глаз долой, возвращаюсь в «свою» комнату.

Меня всю потряхивает от перенапряжения. Внутри будто дрожит что-то маленькое и хрупкое. А перед глазами ОН. Высокий. Крепкий. Мощный. С огромной птицей на груди.

Вот кто он.

Беркут.

Настоящий хищник.

Дикость, ярость и сила. Это все, с чем он у меня ассоциируется. Мне становится еще страшнее. Потому что он очень умело скрывает это за внешней оболочкой сдержанности и собранности. Его взгляд опасен. На дне его глаз таится нечто жуткое и угрожающее. Неистовое и неудержимое.

Я захлопываю дверь чуть более громко, чем мне бы хотелось. Тут же запираюсь. Резко разворачиваюсь и взволнованно прикасаюсь спиной к двери.

Полуобнаженный мужчина и я, запертая в его доме, без средств связи и права голоса. Господи... что теперь делать?

Глава 7

Выходить из комнаты я боялась до обеда следующего дня. Пока в мою дверь не раздался негромкий стук.

– Эй, у тебя все нормально?

От неожиданности я подпрыгиваю. Но тут же поднимаюсь с пола на ноги. На ковре тепло. И в позе лотоса думается лучше.

Найти лазейку к побегу из комнаты не получилось. И это нагнало на меня отчаяние.

– Да. Все в порядке.

– Есть будешь?

– Нет.

– Решила умереть с голоду?

– Я просто не голодна.

– Если передумаешь, на плите мясо и гречка. Будет желание – разрешаю тебе самой что-то приготовить. Продукты в шкафчиках и холодильнике. А я пока выпущу собак размяться. Хозяйничай, не стесняйся.

Прекрасно. Я еще и готовить обязана...

– Позвольте мне уехать? Я никому не расскажу, где была и кого видела. Пожалуйста.

– Нет, – раздраженно отрезает. – Для тебя же так будет безопаснее. Здесь, со мной. Чем там, с ними.

Решаю не отвечать, хоть и совершенно не понимаю, о чем он говорит. До моего слуха уже доносится приглушенный звук удаляющихся шагов.

Паника сегодня уже схлынула.

Я печально осматриваю комнату. Эх, неудобно. На душе тоскливо. Но страх почему-то оставил меня. Если бы захотел, Беркут полакомился моим телом еще вечером. Психолог из меня бестолковый, но мужчина мало того, что не утащил меня в свою спальню, так еще и о ране позаботился. Видимо, не все человеческое ему чуждо.

Пока молчаливый хозяин дома оставил меня, я решила все же наскоро принять душ. Как только прошла в комнату, сразу подумала, что залезать в чужую ванну я попросту брезгую.

Да и вообще, у меня нет ни малейшего желания прикасаться к чему-либо в этом доме.

Сделала все, что в моих силах, чтобы почувствовать себя чистой, и вернулась в комнату.

От безделья накатывает меланхолия.

К тому же есть хочется. Мой привычный завтрак должен был состояться еще часа три назад.

Сглатываю слюну и отваживаюсь вернуться на кухню. Что он там сказал насчет мяса и гречки? В моем полном расстройстве? Отлично.

Успеваю навернуть целую тарелку и примоститься к раковине, открыв вентиль и настроив теплую воду. Намыли-

ваю вилку, оттирая присохшую крупу, как с громким стуком неожиданно распахивается дверь.

В комнату проходит хозяин. За собой, крепко держа за ошейник, он тащит огромного пса, упирающегося изо всех сил. Массивные лапы, грозное рычание, жесткая шерсть... Не дрессированное домашнее животное, а настоящий дикий зверь, честное слово.

Подняв голову и завидев меня, собака замирает и, оскалив зубы, громко гавкает.

– Тихо, я сказал!

Шерстяной монстр тут же замолкает и послушно садится на пол. А я мгновенно откладываю в сторону посуду. Смываю мыло и отхожу к окну.

Они сидят прямо возле выхода из гостиной, и я не решаюсь пройти мимо них.

– Не бойся, он не укусит. Просто охраняет меня, – насто-роженно поднимаю глаза и сталкиваюсь со спокойным взглядом хозяина. – Он так воспитан.

– Воспитан? – сама не замечаю, как дрожащим голосом поддерживаю диалог. Нервы на пределе, внутри все переворачивается и скрежещет, словно кто-то проводит ржавым гвоздем по стеклу. – Он же вырывается.

– Быкует немного, да. Ему предстоит нелюбимая процедура. Не стоит его винить.

Глава 8

Он подводит собаку к тому месту, где я стояла только что, протягивает руку в сторону, открывает шкафчик. Вытаскивает какие-то тряпки, мелкие черные пакеты, лейкопластырь, два тюбика с мазью, ножницы.

Что он делает?

Мужчина строгим голосом командует псу сесть. Невероятно, но это чудовище слушается и безропотно усаживает свою пятую точку на пол, начиная жалобно скулить.

Только сейчас я отмечаю, что задняя лапа животного обмотана темным целлофановым пакетом.

Мужчина аккуратно касается инородного предмета, быстро разрезает его, убирает в сторону ножницы и, нежно поглаживая собаку, шепчет успокоительное: «Тихо, малыш. Тихо».

Беркут встает, оставляя пса сидеть одного, а я опасливо отхожу на два шага в сторону. Мне бы развернуться и уйти, но вид грозного мужчины, так ласково обращающегося с животным, завораживает и не позволяет отвернуться.

Хозяин вытаскивает из-под раковины небольшую кастрюлю, набирает в нее воду.

Погружает пальцы, а до меня с опозданием доходит – проверяет температуру воды, чтобы не обжечь питомца. Садит-

ся на корточки и ставит чашу перед собой.

Собака виляет хвостом, бьет им по полу и вдруг утыкается носом в крепкую шею мужчины.

Беркут обнимает пса огромной ручищей и нежно поглаживает. Это зрелище выбивает из колеи.

– Не выбирай. Уже почти все.

Через минуту он уже вымыл псу лапу и медленно пропитал мокрую шерсть полотенцем.

Его движения уверенные, легкие, заботливые. И это настолько изумляет и шокирует... Даже странно. Такая машина, а сколько нежности скользит в каждом движении. И пальцы сильные, ловкие... Я не могу отвести взгляд от мужских рук.

Беркут тщательно рассматривает лапу, отодвигая шерсть в сторону, и наносит мазь. Сверху надевает ткань и обматывает новым пакетом, тщательно закрепляя.

Хозяин ласково хлопает любимца по спине.

– До вечера еще погоняешь в носке, а потом снимем. Договорились?

В ответ раздается звонкий лай.

– Вот и отлично. Пошел, – и легонько отталкивает пса в сторону двери.

Я дышу тихо-тихо. Кажется, эти двое «мужчин» забыли о моем присутствии. Уже собираюсь незаметно улизнуть, как вдруг раздается усталое замечание:

– Ты поела?

В мою сторону мужчина даже не смотрит, а вот пес охотно ко мне приближается. Уши наострил, заинтересованно ведет носом, принюхивается.

– А можно его убрать?

Беркут лениво оборачивается, и его губы растягивает медленная улыбка.

– Он ничего тебе не сделает. Любое действие только по команде.

– Он так хорошо выдрессирован?

Беркут переводит насмешливый взгляд на пса.

– Дейв, – раздается резкий приказ, – охраняй!

«Охранник» мгновенно подбирается и одним прыжком преодолевает разделяющее нас расстояние. Нюхает мои ноги, отходит на шаг назад и ложится на пол, вытаскивая язык. Причем выглядит при этом почти безобидно. Я бы даже сказала, мило.

В тишине слышно только частое дыхание собаки.

Я все же решаю удалиться, поэтому пытаюсь обойти сто- рожа и вернуться в комнату, но он следует за мной.

Похвальное послушание и дрессировка. Удивили. Оба.

– Вы сами его готовили?

– Нет. Он мне такой уже достался.

– Я люблю животных. Но ваши псы кажутся адскими созданиями.

– Так и должно быть. На это и рассчитано.

Понимаю, что сейчас совершенно не «в тему», но я с на-

деждой тихонько произношу:

– Вы же меня потом отпустите, правда?

– Разумеется. Я не ем маленьких девочек.

На сердце почему-то резко потяжелело. Ему меня сюда привезли отнюдь не как маленькую девочку. А как вполне себе взрослую женщину. Но он до меня не то что не дотронулся, а даже не посмотрел ни разу. Что же у него на уме?

– А почему сейчас нельзя?

– А я смотрю, ты уже не боишься меня. Задаешь слишком много вопросов.

На этом я сочла за лучшее промолчать.

Пес, широко раскрыв пасть, заразительно зевнул и тут же снова вытащил длинный розовый язык.

Неожиданно раздался звонкий лай с улицы и тут же прекратился. Послышался громкий стук в дверь. С обратной стороны кто-то вставил ключ в замок и провернул два раза. В неприятно давящей тишине, этот скрежет отразился особенно громко.

– Здорово! – мои похитители твердой поступью приближаются к нам, и каждый ставит на пол по огромному пакету. А я резко вжимаюсь в стену, неконтролируемо. Просто страшусь их.

– Ну как? – вместо приветствия отвечает Беркут и вальяжно опирается о стол. Его глаза тут же наполняются равнодушием и спокойствием, хоть еще минуту назад я отчетливо могла разглядеть в них задор и веселье.

– Да все тип-топ. Как договаривались, – сообщает один из вошедших и переводит заинтересованный взор на меня, в то время как я сжимаюсь в комочек, меня вновь охватывает ужас. Я все еще помню его неожиданный, мерзкий вопрос: «Может, сначала со мной, а?» – О, и ты здесь. Не сильно ударились?

Мучитель потянулся ко мне рукой, едва дотронувшись до брови, и дальше произошло то, чего я не могла себе представить даже во сне. От чего вышибло остатки духа, а сердце ушло в пятки и внутри все сковало напряжение.

Глава 9

На весь дом раздалось грозное рычание и громкий, предупредительный лай. Пес уже вскочил со своего места и занял нападающую позу, оскалил зубы и приготовился к страшному прыжку.

Мужчина замер и обомлел. Вся краска тут же схлынула с его лица. Он отнял руку от моей брови и в ужасе попятился назад.

А мой верный сторож все продолжает медленно наступать. Шаг за шагом...

В какой-то момент мучитель, которого друзья называют Арс, натывается на край дивана, от неожиданности подпрыгивает и заваливается назад, падая. А собака одним прыжком преодолевает разделяющее их расстояние и едва не кусает мужчину за руку, все еще грозно рыча.

– Эй! Эй-эй-эй-эй-эй! А ну фу! Фу, я сказал! – Арс продолжил в панике отбиваться ногами. Но пес осторожен и вовремя отпрыгивает в сторону.

Это кошмар. Неравная борьба. Пес походит на настоящего разъяренного хищника.

– Дейв, стоять, – раздается еще один сухой приказ.

Мужчина на полу часто дышит, его грудь тяжело вздымается, глаза метают молнии. Он напуган. Не ожидал.

Я и сама стою, затаив дыхание. Не знаю, что делать. Можно ли уйти в комнату?

– ЭТО ЧЕ ТАКОЕ?! – мужчина обвиняюще кидает Беркуту свои холостые претензии и сверлит гиганта яростным, ошарашенным взглядом.

– Тренируем команды, – отвечает тот с улыбкой в голосе. – Ты испугался что ли?

– Вы... Вы... – мужчина поражен и не может найти слов. – У тебя совсем чердак протек что ли?

– Ну ладно тебе, не дуйся, – Беркут даже не скрывает торжествующий оскал. Интересно. Может, он так проучил Арса за что-то?

– Кобель чертов! – в сердцах заявляет мужчина, обращаясь к спокойно ожидающему в стороне псу. – Я тебя никогда больше кормить не стану! Хоть подышать с голоду будешь, в жизни не подойду!

И у меня возник вопрос. А он сейчас имеет в виду собаку или... Да не-е-ет... Вряд ли это заявление касается хозяина дома.

– Да брось. Это просто собака.

– Которая меня чуть не сожрала!

– Он выполнял приказ. А ты просто под горячую руку попался.

– Какой приказ?! Это он ее, что ли, охраняет?! – с обвинением ткнул пальцем в мою сторону и поднялся на ноги. – Да ну вас! А я ему еще за мазью в аптеку ездил. Неблагодар-

ная псина.

Отвернулся и пошел к выходу.

– Не кисни, Арс, – Беркут даже не пытается сдержать торжествующую ухмылку. – Я просто забыл отозвать его.

– Да иди ты.

Мужчина молча взмахнул руками в воздухе и громко хлопнул входной дверью.

Хозяин дома тихо рассмеялся. Вытащил с полки что-то мелкое и тихо присвистнул.

Пес отозвался мгновенно, тут же подбежав к хозяину, и, получив вкусное поощрение, с довольным видом начал хрустеть лакомством.

– Дейв, гуляй.

– Ты перегибаешь, – осуждающе отметил второй гость. – Он Дейва вместо тебя выхаживал, когда ты на ногах не стоял.

– Сказал же, забыл отозвать его. Отвлекся.

Чувствую на себе твердый мужской взгляд, сверлящий висок.

Поворачиваю голову и сталкиваюсь с горящим янтарным взором.

Глава 10

Беркут едва заметно кивнул головой и подбородком указал в сторону «моей» комнаты. Отдал молчаливый приказ.

И я прекрасно все поняла. Без единого слова. Нужно поскорее уходить. Более того, уверена, это для моего же блага.

Стараясь игнорировать мужские взгляды, быстрым шагом я направилась к себе. И заперла дверь сразу же.

Стены в доме, очевидно, тонкие. Потому что я отчетливо расслышала очередной хлопок дверью. И то, как к двум мужским голосам присоединился третий. Хоть слова вряд ли можно отнести к разборчивым, чувствуется, что напряжения нет. Спокойные тона, размеренные фразы.

Так я просидела взаперти до самого вечера и уже готова лезть на стену от безделья. Сначала я пыталась сделать в комнате небольшую перестановку. Нет, ну пыталась это слишком сильно сказано. Передвинуть массивный комод и крепкую кровать я не смогла бы при всем желании.

А вот поменять расположение вещей НА комод, переместить старый потертый коврик – это пожалуйста.

Когда начало смеркаться, я с грустью стала наблюдать за заходом солнца. Небо невероятное. Розово-золотой закат на уровне горизонта сменяется уже потемневшими синими красками. Потрясающая картина. Аж дух захватывает.

Перевожу растерянный, грустный взгляд в сторону двери. Желудок почти прилип к позвоночнику и громко урчит.

Я не привыкла питаться два раза в сутки. Стараюсь есть мелкими порциями, но часто. И пить. Главное правило – минимум полтора литра воды в день. Но здесь, рядом с Беркутом, весь мой жизненный распорядок летит к черту.

Посторонние голоса давно стихли, а я все не решаюсь выйти из комнаты.

Усаживаюсь на подоконник и обхватываю руками колени. Затылком опираюсь об откосы. Непрерывный поток мыслей вводит меня в состояние транса, когда я уже не чувствую ни холода от стены, ни тепла батареи, не слышу посторонних звуков, не вижу ничего перед собой.

Я здесь. И каждую секунду ощущаю себя легкой добычей. Беззащитной. Слабой. Потерявшейся маленькой девочкой. Но самое страшное не это. Меня даже искать некому, произойди несчастный случай. В ближайшее время даже с работы не позвонят. Потому что я взяла отпуск на две недели. Сил больше не было после трагедии придти в офис, воодушевленно общаться коллегам и подсчитывать, кто сколько заработал.

Мне кажется, что моя жизнь пуста. В ней нет ничего ценного. Ничего такого, ради чего хочется каждый день просыпаться и счастливо улыбаться своему отражению. Вообще ничего. Незачем идти вперед, преодолевая душевную боль и неподъемное, нескончаемое чувство утраты, да и, чего уж

греха таить, жалости к себе.

Папа ушел из семьи, когда я была совсем маленькой. Мама не стало три месяца назад. А черная печаль обжигающей лавой продолжает периодически укрывать меня с головой.

Парня у меня нет. Родственников тоже, кроме пожилой тетки, которая живет в столице. Искать заботу, тепло и поддержку не у кого.

После гибели мамы я раскисла. Не понимала к чему иду и зачем, что делать. К чему стремиться, чего добиваться. Ничего не хотелось. В моей жизни больше нет самого близкого человечка. Той, которая всегда бы обняла и, несмотря ни на что, смогла бы поддержать. Это ужасное чувство топит меня почти каждый день. Я до сих пор не смирилась с тем, что ее больше нет. Очень больно – терять близких. А вновь учиться «ходить» и жить без них – еще больнее. Потому что горькая утрата нанесла тяжелый удар слишком неожиданно.

Делаю глубокий вдох. Стираю слезу, ощущая влагу на пальцах. И почему-то соленый вкус во рту. Только сейчас до меня доходит осознание, что я безостановочно реву уже не первую минуту, и даже плечи дрожат. А горло схватывают спазмы. Дышать тяжело....

И вдруг раздается негромкий стук по стеклу.

Глава 11

От неожиданности я резко дергаюсь и со страхом впиваюсь взглядом в красивое, мужественное, волевое лицо с темной бородой.

Беркут очень странно смотрит. Как будто ему меня жаль. Сочувствует словно.

Отворачиваюсь. Много ли он может чувствовать? Уверена, его сердце давно уже огрубело, превратившись в самый настоящий камень.

Настойчивый стук раздается вновь. Я смотрю на мужчину сверху вниз и не понимаю, чего он хочет.

И тут слышу едва разборчивое, приглушенное:

– Открой.

Понятия не имею, отчего все же слушаюсь его. Тянусь к ручке и поворачиваю ее, чуть приоткрываю форточку.

– Выходи во двор.

Это не приказ. Вежливое предложение. Спокойное. И, наверное, без всякого подтекста.

Глаза болят от пролитых слез, чувствую, что и губы слегка опухли. И нос, наверное, красный...

– Не хочу, – произношу тихий ответ. Не уверена, расслышал Беркут или нет. Поэтому для пущей убедительности отрицательно машу головой.

– Дейв по тебе соскучился. И ему пора повязку снимать. Поможешь?

Я недоверчиво уставилась на мужчину, пытаюсь понять, в чем подвох. Не сразу осознаю, что не могу отвести взгляд. Смотрю прямо в его бездонные глаза. Они не карие. И не желтые. Не темные и не светлые. Они яркие. Словно янтарные. С темным ободком и частыми вкраплениями коричневого. Я не вижу в них ярости или злости. Жестокости. И даже раздражения нет ни капли.

Так смотрят только очень уверенные в себе люди. Спокойные. Самодостаточные. Такие, которые плюют на мнение окружающих. И которые делают только то, что сами считают правильным.

– Захвати с кухни ножницы и какую-нибудь тряпку. Ты видела, где они лежат.

Он ждет моего ответа, а я словно воды в рот набрала. Зачем мне к нему идти? Разве не он хотел поразвлечься с женщиной, а вместо этого привезли меня? Разве не его друзья так грубо, не спрашивая моего мнения, засунули меня в машину? Разве не он удерживает меня здесь силой?

Да, все именно так и есть. Но я, вопреки здравому смыслу, все же слезаю с подоконника.

– И куртку мою накинь. У двери на вешалке. Ветер поднимается.

Я порывисто оборачиваюсь, но мужчины уже и след простыл. Тяжело вздыхаю.

В ванне наскоро ополаскиваю лицо холодной водой. Стрягиваю капли с ладоней и пальцев и иду в коридор. Снимаю с крючка огромную серую куртку и надеваю, застегнув молнию.

Зеркал я в доме не заметила. Поэтому выхожу во двор прямо так. Выгляжу, наверное, смешно. Но, а мне-то что?

На улице действительно похолодало. Поток свежего воздуха ударил в лицо, растрепав волосы.

Мне должно быть тяжело и нечем дышать, я ведь в плену, но... выйдя на крыльцо, я почему-то почувствовала небывалое воодушевление и ощущение, что свобода топит меня изнутри. Наверное, это все воздух. Наполнен нотками сухой травы и морозной свежести. Холод не пробирает до костей, лишь дарит фонтан бодрости. Потрясающее мгновение, наполненное жизнью. Сама не люблю загородные дома, ведь я – дитя многоэтажек, проблемных парковочных мест, вечной спешки и загазованности.

А здесь словно время остановилось. И вся суета осталась где-то далеко. Поблизости только бревенчатый домик, собачки, приближающийся звонкий лай которых слышен уже сейчас, и их хозяин – серьёзный, задумчивый, опасный и своевольный гигант.

Как будто я попала в другое измерение. Куда-то в прошлое, когда все жили вот в таких домах. Вот так спокойно и размеренно, никуда не торопясь. Наслаждаясь каждым днём, а не постоянно находясь в бегах.

Здесь словно время замедляется, минуты сбавляют ход. А картина жизни предстает совсем другой. И как будто на второй план уходит тот факт, что меня удерживают здесь силой. Это очень странное ощущение, но почему-то именно сейчас вместо страха и ужаса я чувствую только умиротворение.

– Ну что, принесла ножницы?

Медленно оборачиваюсь. И понимаю, что забыла. Про все забыла.

Мужчина приблизился почти вплотную, взяв мою руку, притянул ближе к себе. Закатал сначала один рукав. С безразличным выражением лица то же проделал и со вторым. Обращается со мной, словно с куклой. Ещё он плавным движением зацепил собачку на молнии, решительно потянув вверх, и застегнул замок до самого горла. А я просто стою и молча подчиняюсь, пока не осознаю, что мужчина скользит ниже огромными ладонями, от плеча до локтей. И замирает.

Глава 12

Это что сейчас было? Мои глаза округляются, и я отхожу на шаг назад.

– Я вижу, ты ничего не принесла. Ладно, сам схожу, – разворачивается.

– А собаки?! – произнесла с сомнением, и тут же перевела взгляд на огромных кобелей.

Он меня с ними наедине оставит?

– Дейв, ко мне, – пёс тут же послушно рысцой подбежал к хозяину, задрал морду. – Охраняй.

Я делаю шаг назад, а пёс лишь лениво поворачивается в мою сторону.

Спустя пять минут мужчина вернулся с ножницами и двумя кружками чая с лимоном.

Он отозвал от меня огромного кобеля и присел на корточки, отдав команду одним движением, без слов. Положил ладонь на землю. И пёс тут же отреагировал.

Через минуту огромная массивная лапа уже была на свободе.

– Гуляй.

Я делаю обжигающий глоток и... понимаю, что наслаждаюсь этим моментом с освежающим вкусом лимона. Вот так просто смакую то, как медленно минуты утекают в пустоту.

И никуда не надо торопиться.

Понимаю, что стоящий в двух шагах от меня мужчина очень опасен и не заслуживает доверия. Но я отчего-то сейчас вижу в нем обычного человека. Строгого, неразговорчивого. И который очень любит своих питомцев.

– Как ты Арсу под руку попала?

Вопрос вывел меня из задумчивости. И я только сейчас поняла, что смотрю на Беркута не отрываясь. Его спокойные, вальяжные движения завораживают. При этом он всегда на чеку. Я заметила, что он часто, словно невзначай, смотрит по сторонам, как будто оценивает обстановку. Почему-то он очень отличается от своих друзей. По духу. Вернее, не так. С ними он разговаривает на одном языке, некоторые слова которого я даже не понимаю. А со мной – на другом.

– Сама не поняла. Все так быстро произошло. Я возвращалась домой. Меня позвали по имени, и я обернулась. Сказали в машину садиться, – от страшных воспоминаний на душе снова становится неприятно и темно. Противно.

– Дальше, – его взгляд отрешён, мужчина смотрит прямо перед собой, аккуратно подносит к губам горячую кружку. Отпивает.

– Я не помню, как оказалась в машине. Помню, что кричала, но он мне рукой рот закрыл, уже было темно. Никто не поспешил на помощь.

– Испугалась?

– Очень, – от неприятных, липких воспоминаний мороз

по коже. Снова и снова. Так странно обсуждать это с Беркутом. Если он захочет, он ведь и не посмотрит на мое сопротивление. – Я даже хотела прямо на ходу выпрыгнуть из машины, но дверь оказалась заблокирована.

– Тебя ведь никто не тронул, да?

Я вспоминаю состояние обречённости, когда костлявая мужская рука противно накрыла мое колено и двинулась выше, до самого бедра. И горячее отвратительное дыхание опалило кожу за ухом. От страшных картин на глаза снова выступили слезы, и я опустила взгляд.

– Нет, – выдавливаю из себя еле слышно. Стараясь не вспоминать тошнотворные позывы и отстраниться от чувства гадливости, вызванного отвратительным прикосновением.

И тут чувствую, как жесткие пальцы твёрдо приподнимают мой подбородок. Приходится задрать голову, потому что Беркут подошёл вплотную и резко отчеканил:

– Спрашиваю. Они тебя не трогали, правда?

Я словно язык проглотила. Неужели он ждёт, что я признаюсь, даже если бы что-то и было? Дыхание учащается. Он стоит так близко, что мне бы отодвинуться на безопасное расстояние, оттолкнуть, а не стоять вот так... рядом с ним... Голова отказывается соображать. А в памяти против воли всплывает изображение свободной, дикой, беспощадной птицы на широкой, мощной мужской груди. Его подзирательный взгляд заставляет щеки вспыхнуть. Беркут все

ещё ждёт ответа.

– Нет. Он только предложил...

Собственный шёпот бьет по раскалённым нервам, из глаз снова катятся слезы.

– Что именно?

– С ним сначала.

– Ммм, – мужчина недовольно поджал губы. И вдруг, едва заметно коснувшись моей щеки, стёр соленую каплю. – Он просто неправильно все понял. Выброси это из головы.

Внутренне я сжимаюсь в комочек. А Беркут нравоучительно продолжает:

– И в следующий раз будь более осмотрительна, – он заглядывает в мои глаза, а у меня внутри все переворачивается – будто душу сверлит. – И не волнуйся. При мне никто тебя не обидит.

– Отпустите. Зачем я вам?

– Мне незачем. Но раз уж произошло небольшое недоразумение, тебе просто придётся немного потерпеть. Недельку здесь побудешь. Объяснять не обязан.

– А если я пообещаю никому ничего не рассказывать? Отпустите?

– Я похож на торговца?

– Смотря чем торговать.

– А ты не теряешься. Молодец. Не замёрзла?

– Нет.

– Тогда пошли в лес. Прогуляемся. Собаки пробьются.

Я резко вскидываюсь – уверена, скрыть проблеск страха в собственных глазах мне не удалось. В лес? В ЛЕС?!

– Я... я... – испуганно заикаясь и пятясь от него назад, стараюсь придать уверенности хотя бы взгляду. – Спасибо за приглашение. Пойду лучше к себе.

– Иди, – резанул твёрдый ответ.

Даже не помню, как оказалась в доме. Не помню, как в панике заперла дверь на ключ.

Пожалуй, лучше все же не выходить из комнаты.

Глава 13

Пока его не было дома, я решила все же принять душ и постирать свои вещи – днем испачкала кофту. На спинке кровати не заметила что-то темное и липкое.

Нашла в доступном мне шкафу единственную футболку, натянула на себя. Длина до середины колена, опасно, конечно, но в целом... вполне себе прилично. Я успею вернуться к себе и запереться до возвращения Беркута.

Оттерла ванну. Неидеально, конечно, но теперь мне морально легче. Пока чистила, вдруг подумала, что не такая уж она была и грязная.

Из душа я выходила следом за облачками пара, поняв, что забыла захватить футболку. Обернутая небольшим пушистым белым полотенцем, ступила босыми ступнями на кафель, почувствовав приятный холодок. Распахнула дверь, прошла в комнату. Футболка на диване. Смело двигаюсь вперёд, чувствуя, как прохладный воздух начинает покалывать влажную кожу. Наверное, где-то открыто окно.

Наклоняюсь вперед, перегибаясь через спинку дивана, и тут же с тихим вскриком отпрыгиваю в сторону, встречаясь с тяжелым янтарным взглядом.

Он уже вернулся! Развалился на диване. И подол футболки сейчас находится четко под ним.

Мужчина тут же выпрямляется и облакачивается спиной о мягкую подушку. И сверлит меня странным взглядом. Темным. Затуманенным.

Капельки воды стекают с моих волос на плечи, спину и полотенце. То самое полотенце, которое едва прикрывает ягодицы. И я уже даже не чувствую холода. Наоборот. Мне вдруг стало душно, и незнакомый жар опалил.

Щеки пылают и заливаются краской. Мужчина застал меня в очень интимный момент. А я только теперь понимаю, что бесстыдно на него уставилась. Он снова в майке, и я не могу глаз отвести от его мускулатуры. Потрясающая фигура. Господи, о чем я думаю, мне нужно поскорее уединиться, но... я шагу не могу ступить. Он словно загипнотизировал меня.

Его взгляд мне не нравится. Откровенный интерес подсвечивается внутренним пламенем. А я вдруг чувствую себя полностью обнаженной. Хотя раньше ни разу в жизни не раздевалась перед мужчиной.

Я резко остановилась, не в силах больше совершить ни одного движения.

Теперь его глаза хищно обвели голодным взглядом мои худенькие плечики, лицо и спустились ниже. Он смотрит на мои ноги. Долго. Потом жадно сглатывает – так, словно не пил неделю. И тихо произносит:

– Я вернулся.

Мне вдруг становится нечем дышать. Почти осязаемые

волны паники укрывают с головой. Внутреннее напряжение усиливается. Мои губы чуть приоткрыты, а взгляд слишком заинтересованный. Я каждый раз тушуюсь перед мужским взором. Слишком поздно я успеваю взять себя в руки и перестать впиваться ногтями в ладони. И стараюсь мирно произнести:

– Ничего, что я душ приняла?

– Да на здоровье. Как тебя зовут?

– Яна.

Его губы затрагивает легкая чувственная улыбка, а возле уголка рта появляется неглубокая морщинка. И тут мужчина, с едва заметной хрипотцой, обезоруживающе замечает:

– От тебя пахнет мной, Яна.

Глава 14

– Я воспользовалась вашим шампунем. Простите. Там больше ничего не было, а мне очень хотелось освежиться. Волосы в грязи испачкались...

Собственные слова кажутся такими глупыми и неуместными. Но от меня действительно пахнет мужским шампунем. Это очень странно на меня действует – как будто он стоит совсем близко, а я втягиваю аромат его кожи, наслаждаясь. И это тоже так интимно и сокровенно, хоть мы два чужих человека, которые через несколько дней разойдутся навсегда.

Уже собираюсь сделать шаг вперёд и взять футболку, но мужская рука вальяжно покоится на белой ткани.

– Вы не могли бы...

Его затуманенный взгляд хищно скользит снизу вверх по моим оголенным ногам, и я чувствую себя такой маленькой. Беззащитной. А ещё только сейчас я поняла, что этот мужчина меня не отталкивает. И это открытие порядком меня удивило.

– Подать футболку?

Перехватываю его потемневший взгляд и не понимаю, что именно во мне надломилось. Я просто киваю согласно.

– Вообще-то это моя вещь, – замечаю странные искорки

во взгляде. Насмешливые.

– Если вы не возражаете, конечно... Я просто... – он наспех облизнул губы, а мне в голову вдруг полезли всякие нехорошие мысли. Например, его мышцы и правда такие твердые и мощные, какими кажутся? – Мне... неловко очень. Одежда моя... испачкана. Мне очень неудобно пользоваться вашими вещами. Правда. Я все постираю и положу на место...

– Ты и в полотенце замечательно выглядишь. Ходи так, – и улыбается по-мальчишески весело и задорно. – Не стесняйся.

– Так? – глупо бросаю взгляд на свои ноги и запоздало понимаю, что он просто шутит. И несмело улыбаюсь в ответ. – Неудобно так. Да и холодно очень.

Моя кожа покрылась мурашками – не столько от сквозняка, сколько от мужского взгляда: откровенного, темного, бархатного, ласкающего. Мне это только показалось, или в самой глубине его янтарных глаз действительно промелькнуло восхищение?

Он резко встаёт и делает шаг в мою сторону.

– Так ты, оказывается, замёрзла. Хочешь согреться? – продолжает медленно приближаться. Шаг за шагом. «Голодный» мужчина и беззащитная я.

– Не надо! – я отпрыгиваю в сторону, крепко вцепившись в полотенце на груди.

– Вот футболка. Можешь себе оставить. Дарю. Иди пе-

переодевайся, – воодушевленно произносит он и протягивает мне одежду, а я облегченно выдыхаю, но тут он неожиданно продолжает. – Уже пора ужинать, а в кастрюле шаром покажи. Сам я так быстро не справлюсь. Поможешь приготовить?

Я вновь не могу прервать наш зрительный контакт. Его взгляд устремлён куда-то – кажется, на мои губы.

– Я не очень вкусно готовлю.

– Всяко лучше меня. Беги переодевайся и возвращайся.

Глава 15

Сначала я решила остаться в комнате и не высовываться. Но... какой в этом смысл? Если он захочет причинить мне вред, разве старая щеколда остановит его?

Поэтому, собрав в кулак остатки воли, я все же вышла к хозяину дома.

Остаток вечера мы провели вдвоём.

– Знаешь, я даже рад, что ты оказалась здесь. Одному скучно.

Я тактично промолчала о причине своего присутствия и желании скорее уехать.

В последующие полчаса мужчина в моих глазах полностью преобразился. Он шутил и рассказывал различные курьёзные случаи своего юношества, избегая темы настоящего.

А ещё он, очевидно, уже давно привык готовить себе самостоятельно, потому что искусно обращается с ножом. В данный момент мастерски режет огурцы на салат.

– Подай масло для заправки. Возле чайника.

Я внимательно оглядела стол, но бутылку не нашла, на чем заострила его внимание.

– А. Ну тогда открой дверцу, протяни руку. В дальнем углу новая бутылка стоит, – и словно невзначай подносит к моему рту тонкий кружочек огурчика. С улыбкой на чувствен-

ных губах поясняет: – Комплимент от шеф-повара.

Я принимаю «комплимент» и медленно жую, отмечая свежий, сочный вкус овоща, не в силах поверить, что этот мужчина и страшный Беркут, который встречал нас ночью во дворе, – один и тот же человек.

Ловлю на себе внимательный заинтересованный взгляд и смущенно отворачиваюсь. Наклоняюсь к шкафчику, открываю дверку.

Лезу вглубь. Рука наталкивается на что-то жесткое, твёрдое и металлическое. Явно не масло. Но... это... кажется, это... опасно тяну на себя незнакомый предмет. Как только я вижу, что именно было спрятано в шкафу, с громким возгласом отскакиваю в сторону, отбрасывая от себя страшный предмет. Господи...

Глава 16

Пистолет с громким стуком отскакивает от пола и отлетает к стене. А я со страхом прижимаюсь спиной к холодильнику. На моем лице выражение ужаса и паники. Перевожу обречённый взгляд на Беркута. Словно в замедленной съемке замечаю, что он оборачивается, поджимает губы, спокойно кладёт нож. Подходит к оружию, поднимает его, гордо выпрямляется и прячет за спину. Вероятно, убирает за пояс.

Хмурит брови и шагает ко мне. А я отскакиваю в сторону резко, и диким загнанным взглядом осматриваю комнату. Бежать некуда. Отталкиваюсь от стола. Но Беркут проворнее – один резкий рывок, и он хватает меня за руку, тянет на себя. Его руки на моей талии, и вот он уже твёрдо прижимает меня к столу, наваливаясь весом собственного тела. Я начинаю кричать в панике, а он легонько обхватывает ладонями мое лицо и заглядывает в полные слез глаза. Внутри меня все трясётся от страха. Кровь стынет в жилах, дыхание прерывистое. Сколько крови на этом пистолете? Я брыкаюсь и пытаюсь оттолкнуть эту махину в сторону. Но куда мне-то?! Я рядом с ним, как маленькая игрушка. Слабая и беззащитная.

– Тихо, – эффекта, конечно, никакого, и он чуть повышает голос. – Яна, успокойся. Яаа-ана! – он резко встряхивает меня и перехватывает мой потрясённый взгляд.

Я замолкаю и замираю в его руках. Он стирает влажные соленые потоки с моего лица подушечками больших пальцев. Мой подбородок дрожит.

– Это для охоты. Я просто забыл, что он там лежит, – поясняет очень тихо, медленно, как будто ребёнка уговаривает. – Я переложу его. Не волнуйся. Это обычный револьвер на крупного зверя. С холостыми патронами. Здесь нет ничего страшного, договорились?

Я отчаянно мотаю головой, потому что очень напугана.

– Это неправда, – пересохшими губами шепчу, как безумная, прямо ему в лицо, потому что он наклонился. Он вообще стоит ко мне непростительно близко. А его руки упираются в стол по обе стороны от меня. – Неправда. Неправда...

Его твёрдый взгляд прожигает насквозь. Ни тени сомнения. Только уверенность и спокойствие. Собранность и чёткость.

– Это пистолет... Это пистолет! Ну что Вам от меня нужно?!

– Яна. Ты же видишь, что я не простой человек. И застрял здесь не просто так. Будь хорошей девочкой и сделай вид, что ничего не было. Договорились?

– Отпустите меня, пожалуйста. Я уеду и никому ничего не скажу, – иступленно мотаю головой, умоляя. – Правда. Никому-никому.

– Прости, не получится. Я уже не хочу тебя отпускать.

Его взгляд медленно перемещается вниз. И губы неожиданно

данно накрывают мой рот. Я замираю, потому что между нами словно проскочила молния. Я боюсь его ужасно, поджилки трясутся. Но твёрдые губы вдруг изгоняют посторонние мысли, отключая голову, заставляя чувствовать сердцем. Вдыхать терпкий мужской запах. Почему-то Беркут пахнет смолой. Его руки накрывают мои плечи и уверенно опускаются вниз. А я даже и не думаю отодвигаться, не в состоянии скинуть с себя затягивающее наваждение. Вдруг захотелось прижаться к мужчине, и вместо того, чтобы бояться и испытывать непреодолимый ужас, на интуитивном уровне хочется искать у него поддержки.

Он отрывается от моих губ, твёрдо касаясь кожи на шее. Его обжигающее дыхание учащается. Беркут уже с шумом выталкивает воздух из лёгких.

– Сколько тебе лет?

Его голос звучит тихо, но так сурово, что я мгновенно захожусь с ответом:

– Двадцать.

Эта цифра ударяет по мозгам. Беркуту, наверное, за тридцать, и разница между нами колоссальна. И дело не только в возрасте. Понимаю, что все это несерьёзно, неправильно и нелогично. Если бы на моем месте была любая другая, он бы вёл себя точно так же. Но вопреки здравому смыслу мне так захотелось обнять его за плечи и провести ладонью по тугим мышцам. Ощутить выпирающие вены... почувствовать на себе мужскую мощь и силу.

Ласковые руки нежно исследуют плавный изгиб спины. А настойчивый поцелуй заставляет меня погрузиться в водоворот ярких эмоций, передать их словами невозможно. Меня словно бросает то в жар, то в холод. Мужчина уже прижимает меня к себе вплотную. Его язык осторожно проходится по ряду белоснежных зубов, слегка постукивает небо. Моя способность сопротивляться резко снизилась. Оставив после себя одно единственное желание. Желание сдаться. Ему. Безоговорочно. Я еле стою на ногах – голова, как пьяная. Это ужасно. Я не должна, он же страшный человек. И все же я позволяю прикасаться к себе. И искренне делаю все, чтобы он не отстранился от меня.

Он громко выдыхает. А меня укрывает паника, внутри все переворачивается. До меня только сейчас доходит, что на мне лишь его футболка, и доступ к белью для мужчины открыт. Это же кошмар!

Я резко дергаюсь, перехватываю его руку. И стараюсь оторвать от себя. Увернуться от горячих жарких поцелуев. Оттолкнуть эту махину не получается.

И тут внезапно слова сами слетают с моих губ:

– Вы же девушку ждали! Я ведь ни при чем! Я не могу!

– Неинтересно уже, – его голос не скрывает лёгкую хрипотцу, а мужчина, не расслабляя свои тиски, приближает своё лицо к моему. – Почему не можешь?

– А вы не понимаете?

Беркут вопросительно вскидывает брови.

Глава 17

– Вы же мне чужой человек. Через неделю вас в моей жизни и не будет. Я же не могу так...

Я ожидаю любой реакции. Самой грубой и неуправляемой, но Беркут, вопреки моим ожиданиям, мимолётно касается своими губами моих и выдыхает мне в рот. А я... ловлю его дыхание губами и растерянно думаю о том, что не хочу заканчивать этот момент. Потому что сердце наполняется необъяснимой мягкостью и трепетом, а неуместное томление уже сжигает мой организм. Но нужно отодвинуться, потому что его руки уже слишком болезненно впиваются в мои бёдра, а он слишком сильно вжимает меня в стол. Прижимается ко мне, стоит уже так близко. И я не понимаю, что делать с водоворотом чувств и эмоций, в который я погружаюсь все больше и больше благодаря самому неподходящему для меня мужчине.

Помощь пришла, откуда не ждали. За окном внезапно слышится грозный парный лай. Собаки всполошились. Значит, у нас гости.

«Нет, – тут же мысленно поправляю себя, резко вскидываясь и отталкивая мужчину, который легко отстраняется. – У Беркута гости...»

Он недовольно хмурится.

Стаскивает меня со стола и тихонько шепчет:

– Беги к себе. У меня разговор...

Его прерывают на полуслове резким толчком двери и ударом в стену ею же.

– Мариб объявился, – звучит громкий голос Арса. Мужчина выглядит взволнованным. – Теперь надо подгад... О! Ты не один. Ты же говорил, что она не в твоём вкусе!

Разумеется, от его внимания не укрылось, как я резко отпрянула в сторону, старательно спуская вниз подол футболки. Удивленный взгляд становится ошарашенным.

Я нервно сглатываю, а Беркут совершенно спокойно кладёт руку мне на талию и легонько толкает к выходу из гостиной.

Закрывает мой побег широкой спиной. Я быстро направляюсь к себе, прислушиваясь к уже приглушённым голосам. У самой двери замедляю шаг и останавливаюсь.

– Давай по делу, – невозмутимо продолжает Беркут.

– Да все. Он вернулся. Надо выяснить, где он остановился.

И можно объявляться.

– Ты головой ударился? С каких пор ты веришь слухам?

Его хоть кто-то видел?

– Выясняем.

– Хакер где?

– С братвой зависает.

– Мне это до лампочки. Чтоб начеку был! Нам-то что делать? Ты хочешь профукать очередную партию металла? А

торопиться не вариант.

– Он, наверное, думает, что ты до сих пор лежишь в той канаве.

– Слишком уж ты плохого мнения о нем. Уверен, Мариб просто ждёт от меня действий.

– Просто ждёт? Он перебивает товар! И вывозит за кордон! А мы останемся без бабла!

– Заткнись.

Снова раздаётся собачий лай, и я быстренько и тихо пробираюсь в комнату, обдумывая услышанное и понимая, что сегодня я, очевидно, останусь без ужина.

Глава 18

Наутро я долго лежала в кровати, закрыв глаза. Представляла его. От его яркого пробирающего взгляда у меня мурашки по спине, а внутри все переворачивается. Тянет к нему невыносимо, как магнитом. Он такой, каких мужчин в моей жизни никогда не было. Опасность подобной связи придаёт остроты, а бессмысленность режет по живому.

Рядом с Беркутом ощущение всего вокруг странным образом меняется. Как будто становится ярко и светло. И одновременно интимно. Сегодня мысль стать его женщиной – пусть и единожды – уже не кажется мне такой невозможной.

Я мечтаю о мужчине, которого знаю всего несколько дней, а сама даже не знаю его имени.

Расстроено перевожу взгляд на свои вещи. Одежда высохла. Сегодня я буду чувствовать себя увереннее.

Скидываю с себя наваждение и тянусь к джинсам.

Нет, надо быть сумасшедшей, чтобы подарить себя такому простому человеку, который, к тому же, никогда этого не оценит, а уже завтра навсегда исчезнет из моей жизни. Я, кажется, совсем с головой не дружу.

Вдруг слышу неожиданный стук в окно. Точнее, не стук, а звонкий удар. Как будто кто-то кинул камушек. Затем ещё один. Через секунду раздаётся глухой лай.

Торопливо натягиваю на себя футболку и выглядываю в окно. Никого. Странно. Я почему-то подумала, что он...

Снова глухо гавкает пёс. Опускаю глаза вниз и замираю в удивлении.

Дейв стоит на задних лапах, а мордой тянется к ставням, мощными лапами облачиваясь о стену. В его зубах зажаты тонкие стебельки. Не знаю, из каких цветов собран букет. Вероятно, лесные...

Осматриваю дорожку под окном и сталкиваюсь с заворачивающим янтарным взглядом.

Мужчина приближается к стене, знаком велит открыть окно.

А я отчего-то подчиняюсь беспрекословно. Может, потому что я отчётливо понимаю, что он лично собрал миниатюрный букет специально для меня? Я пытаюсь себя уговорить не реагировать так бурно, но глупое сердце уже с замиранием ожидает чуда.

– А я думал, ты про нас забыла.

Смотрю на Беркута и молчу в ответ. Не знаю, что сказать. Что всю ночь о нем думала? Представляла, каким нежным он может быть с женщиной? Или страстным? Как он жадно будет касаться меня. Или о том, что будет после...

– У тебя взгляд затуманенный. Мы разбудили?

Очень мило, что он говорит «мы», когда имеет в виду себя и собаку. Этот пёс занимает в его жизни неприлично много места.

– Нет, я давно уже встала, просто... я... – просто я боюсь себя, когда ты рядом. Мои желания будоражат. А для тебя я лишь мимолетное развлечение.

– Не хотела попадаться мне на глаза?

– Хотела побыть одна.

– Ты мне снилась сегодня, – вдруг заявляет ни с того ни с сего.

Станный, недалёкий, дешёвый и совершенно лишенный изящества и красоты подкат, но он работает безотказно. Даже необычно слышать от этого мужчины подобные банальности.

– Не надо, – с улыбкой мотаю головой и осуждающе замечаю. – Эта выдуманная банальщина не в вашем стиле.

– Эй, я серьезно. За последнее время я запомнил пару снов с погоней и недавним ранением. А сегодня сам удивился.

– Ранением...? – выхватываю то единственное слово, что резануло слух.

– Не бери в голову. Пойдёшь с нами гулять?

Тут к мужчине подбегает второй пес. Его имя Рей. Отчего-то он выглядит более ухоженным: шерсть лоснится и блестит, она более густая, чем у Дейва.

– Нет, я лучше ещё немного побуду у себя.

– Тогда и мы сегодня останемся дома. Да, кстати. Будь другом, покажи, как работает посудомоечная машина.

Что? Здесь есть посудомойка?!

Я ошарашено уставилась на мужчину.

– И цветы не забудь поставить в воду. Возьми любой стакан, ваза в этом гостеприимном доме не предусмотрена.

Его просьбу я выполнила, с опаской приняв букетик из пасти собаки.

Да и прогуляться меня Беркут все же уговорил. Это так странно. Как будто мы находимся рядом по обоюдному решению. А не так, как на самом деле – первый не может отпустить второго. Второй так необдуманно украдкой смотрит за первым.

После гуляния он не стал загонять животных в вольер, предоставив им возможность свободно передвигаться по территории.

И вот я уже почти на пороге, до крыльца остаётся каких-то пять-десять шагов, как вдруг Рей бежит к нам наперерез, и с громким агрессивным лаем бросается к крыльцу.

Я совсем не ожидала такого рывка, пес кидается мне под ноги, а я спотыкаюсь о него и неумолимо лечу вниз. Схватиться не за что – опоры поблизости нет. И с тихим вскриком я падаю на каменную дорожку и чувствую резкую боль в колене.

Глава 19

Рей тут же оказывается рядом и ложится возле меня.

Не успеваю я отреагировать, когда чувствую сильные мужские руки. Беркут приподнимает меня в воздухе, надёжно прижимая к себе. А я обнимаю его за шею и утыкаюсь в неё носом.

То, что мои джинсы безнадёжно испорчены, я поняла, только когда мы оказались в ванной. Мужчина поставил меня на ноги и быстрым уверенным движением расстегнул пуговицу на поясе.

У меня сводит дыхание от его мощи. От того, какая у него крепкая фигура, жилистые руки. Когда он стоит так близко, весь мир отходит на второй план. Есть я и он. Жаль, он никогда не будет относиться ко мне, как к желанной женщине. Желанной по-настоящему. А не как к девочке на одну ночь. Но предательское осознание откровенно бьет обухом по голове. И шепчет, что я, глупая, согласна уже даже на это.

Я мягко перехватываю его руку и тихим голосом произношу. Вся уверенность рядом с ним устранилась без следа.

– Что ты делаешь?

– Снимаю с тебя испорченную одежду, – его голосом можно резать металл. Странно, обычно со мной он более... мягок, что ли.

– Нет, не надо, ты...

– Рану нужно промыть. Это обязательно, – он снова подхватывает меня на руки. Тянет вверх и произносит очень сухо. – Вот душ. Дальше сама, ладно?

Я вроде не просила мне помогать. А теперь его слова звучат слишком грубо и неприятно. А я стою перед ним без штанов. В одной только толстовке. И мне нечего ему сказать. От обиды закусываю нижнюю губу.

– Яна. Я не железный. Если ты думаешь, что мне так уж легко смотреть на тебя полуголую, то ты жестко ошибаешься, – он осторожно кладёт руку на мой затылок и, надёжно удерживая, приближает своё лицо. – Возьми этот чертов душ. Промой колено. И... – тут его голос вдруг опускается до шепота, – перестань кусать губы.

Вкладывает холодный металл мне в руку, разворачивается и быстрым шагом выходит прочь.

А я ещё с полминуты стою, не в силах пошевелиться.

Его будоражит моя близость? Так же сильно, как и меня – его?

Медленно стягиваю с себя толстовку, прочь гоня от себя единственную мысль – что будет, если он вернётся?

Сердце бешено колотится, но я заставляю себя смахнуть наваждение, включить душ и взять в руку мыло.

Глава 20

Неожиданно раздаётся громкий стук в дверь.

– Ты закончила?

Я резко вскидываюсь.

– Нет! Я не одета!

– Значит, оденься. Я вхожу через полминуты.

Что за приказной тон?

Уверена, мужчина именно так и сделает. Я наскоро обтираюсь полотенцем после душа и повязываю им бёдра, натягиваю обратно толстовку. У меня какое-то странное предчувствие, но я не понимаю, какое именно.

Колено болит после мыла. Щиплет. Но я, крепко опираясь о бортики ванной, медленно переносу ногу и опускаю ее на прохладный пол.

Дверь раскрывается, и мужчина делает два шага по направлению ко мне.

Приближается и снова берет на руки.

– Ты при мне уже разбила себе бровь и колено. Не хватало ещё нос расквасить. Заканчивай.

– А что? Переживаешь за меня?

– А что... Решилась, наконец, обращаться ко мне на «ты»?

Вопреки резкому тону Беркут бережно опускает меня на диван, завораживая колдовским взглядом. Встаёт на колени

возле меня.

Потом смотрит в сторону и дотягивается до белого полотенца на подлокотнике.

Секунда, и он прикладывает прохладную ткань к разодранной до крови коже, а я чувствую резкую боль, аж слепит. С тихим шипением я дергаюсь в сторону и с трудом выталкиваю воздух сквозь зубы.

– Потерпи немного, малыш, сейчас пройдёт.

От небывалого интимного обращения мне вдруг стало не так больно. Но спустя мгновение я поняла, что легче теперь не поэтому.

Мужчина отнял руку с полотенцем от моей ноги и теперь заботливо дует на продезинфицированное место. А потом откладывает все лишнее в сторону и переводит на меня взгляд.

Я-то и отвернуться могу, не смотреть и не гореть под его взглядом. Но не хочу. Просто не хочу уже отворачиваться.

Беркут властно тянется к моим губам в долгожданном касании. От такого великана ожидать необычайной мягкости и трепетности не приходится. Но... выходит именно так. Он словно касается моей души. Нежно... И так... это необъяснимо. Можно только почувствовать. Как будто мы одни друг для друга существуем в целом мире. Нет ничего и никого вокруг...

Он отстраняется первым. Дышит часто. Той рукой, которой он придерживал меня за затылок, мужчина уже собрал в

хвост мои распущенные волосы и теперь медленно наматывал их на кулак.

Расслабляет пальцы и отнимает руку, перемещается к моим ногам. Ласково проводит ладонью по голени, а я вздрагиваю от простого касания.

Темный взгляд перетягивает мой растерянный взор.

– Боишься меня? – его глаза, так ярко сверкавшие всего минуту назад, теперь заволокло матовой поволокой.

– Боюсь, – ответ вышел еле слышным, как шелест тёплого ветра.

Я действительно страшусь своего решения. Вернее, не самого решения. А того, что последует за ним. Не сегодня. А завтра. Или послезавтра... И я только сейчас понимаю, что забыла, как дышать.

Внутри творится что-то необъяснимое. Фонтан чувств и эмоций бьет по остаткам логики и приглушённым крикам рассудка только от одного вида крепкой, широкой мужской ладони на моей ноге.

– Яна, запомни. Ты всегда сможешь остановить меня. Если захочешь...

Мужчина наклоняется, едва касаясь жесткими губами кожи рядом с моей разбитой коленкой, и столько нежности в этом движении... он резко вдыхает воздух.

Как мы успели переместиться к нему в спальню и давно ли, я даже не могу себе ответить. Он пьянил меня своими касаниями и взглядами, наполненными восхищением.

Несдержанными, окрыляющими, требовательными поцелуями. «Протрезвела» я лишь в тот момент, когда почувствовала на себе вес мужского тела и снова увидела татуировку хищной птицы, гордо и свободно расправившей крылья.

Я замерла и в панике уткнулась в его широкую грудь руками, немного отталкивая, а он в ответ чуть приподнялся на локтях.

– Что? – заглядывает в мои встревоженные глаза. Я чувствую, что он сам напрягается. Но вопрос задан спокойно. Без раздражения и нетерпения.

– Скажи мне... Как тебя зовут?

Глава 21

Беркут вновь наклоняется и расслабленно выдыхает мне в губы.

– Знаешь, порой мне кажется, что я начинаю забывать своё настоящее имя, – и вновь поцелуй. Не могу назвать его страстным, потому что он скорее чувственный, пленительный. Неторопливый... – Роман.

Это имя сразу автоматически записывается на подкорку. Понимаю, что я точно его уже не забуду. Никогда.

– Можно я буду называть тебя просто... Рома? – почему-то произношу шепотом. Наверное, потому что мне слишком важен ответ.

– Тебе можно все, Яна, – мужчина также понижает голос. Его рука накрывает мое плечо и плавно скользит вниз по ключицам, ещё ниже...

А я чувствую свою скованность. Ощущаю себя крайне неуверенно.

– Подожди... – тут же перехватываю его ладонь. – Я... стесняюсь немного.

– Ты очень красивая девушка, – он изрекает негромко, успокаивающе, и на каждом последующем слове нежно целует в шею. – Соблазнительная, нежная, изумительно-прекрасная... тебе нечего стесняться.

– Ром, у меня не было ещё никогда.

– Чего не было? – он мгновенно вскидывается и поднимает голову, а в глазах его мелькает понимание. И Беркут ошарашенно уточняет. – Мужчины не было?

Коротко киваю в ответ.

– Ты же говорила, тебе двадцать лет... обманула?

– Нет. Это правда. Две недели назад исполнилось. Просто... так получилось.

Он прижимается к моему лбу своим, но от меня не отстраняется. Я слышу его тяжелое дыхание и понимаю, что он сейчас принимает какое-то внутреннее решение.

– Ты ведь завтра уже пожалеешь, Яна. Я не мальчик, что будет петь тебе серенады под окном. Ждала, наверное, особенного?

– Да. И дождалась.

Он властно впивается в мои губы. Дышать становится тяжело. Мужской напор и сила сметают внутренние сомнения полностью: никогда не пожалею. И только один вопрос задать сложнее всего.

Мягко провожу пальцами по его волосам и заставляю разорвать поцелуй. А жесткие губы спускаются ниже...

– Мы ведь будем предохраняться, правда?

– Конечно. Будем.

Когда он коснулся кожи живота, я тихо рассмеялась и выгнулась Роме навстречу. На его вопросительный взгляд тут же пояснила:

– Борода. Ты как ёжик, колешься.

– Услышал.

Мы долго не могли насытиться друг другом. Такой прекрасной ночи... не знаю, что может быть лучше.

Я надеялась, что острой боли не будет, только неприятные ощущения. Но все же я ошиблась. Мой первый раз не прошёл безболезненно. Я даже стиснула зубы, чтобы не закричать, и впиалась ногтями в могучие плечи Ромы.

Мужчина, как будто почувствовав мое состояние, тут же остановился и немного отстранился.

– Я пытался помягче. Очень больно?

Лгу в ответ, что совсем нет. Странно при таких обстоятельствах говорить правду. Он ведь не виноват. Но все равно тревожится за меня.

С каждым его движением сердце пропускает удар за ударом. Когда внутреннее томление нашло, наконец, выход, мне показалось, что мир взорвался яркими красками на двоих, а после мой первый любовник долго ещё держал меня в своих объятиях и не отпускал.

Наутро я проснулась раньше обычного, но Беркута в комнате уже не было. И это очень опечалило. Как я умудрилась так быстро вырубиться.

День только начинается, пора вставать. Я чувствую небольшую тяжесть в теле, низ живота неприятно тянет. Как только откинула с себя одеяло, в глаза бросились следы крови, а краска прилила к щекам.

Почему-то очень стыдно. Когда оперлась об ушибленную ногу, поняла, что буду прихрамывать. Наступать неприятно.

Я собрала испачканное белье, чтобы прямо сейчас постирать его, и вышла из комнаты.

Беркута нет. Стараясь отгонять от себя досадные мысли, прохожу в ванную, и первым делом заглядываю в зеркало. Мне кажется, весь мир уже знает, что вчера я стала принадлежать мужчине. И что я больше не девочка. Но на лице нет никаких следов вчерашнего происшествия. Только глаза горят необычайно ярким огнем. И щеки пылают.

Когда я вышла из ванной, на плите не обнаружила ничего. Только записку.

«Не пугайся. Мне пришлось срочно отъехать. Дверь заперта. Собаки на страже. Вернусь после обеда».

Даже не подписался.

Обидно. Мне бы хотелось, чтобы он разбудил меня поцелуем, но у него есть дела поважнее. А мне нужно просто это принять, он ведь... Кстати. А кто он? Мне о нем вообще ничего неизвестно. Кроме имени. И явно этот дом не его постоянное пристанище. Вчера я успела разглядеть многочисленные тонкие шрамы на животе, многолетние рубцы... не было ни синяков. Ничего такого... только костяшки пальцев сильно стёрты, но это я заметила ещё тогда... в самый первый день.

Вернулся он ближе к вечеру. Я лежала на диване в гостиной и думала, как быть дальше. Сама не поняла, как задре-

мала. А из объятий сна меня вывел тихий скрип пола около его двери.

И все равно неприятно. Хотелось бы, чтобы он первым делом поприветствовал меня. Не объятием или поцелуем, что тоже было бы очень неплохо. Но хоть банальное «Привет» можно было сказать?

Поднимаюсь со своего места и медленно, не привлекая к себе внимания, встаю в проход. Рома не заперся, наоборот, дверь открыта настежь. Он стоит у окна спиной ко мне и стягивает с себя объемную толстовку.

Глаза мои распахиваются, потому что под ней...

Раньше я никогда вживую не видела бронежилет. Но эта чёрная штука, закрывающая мужское тело от неожиданной опасности, вроде бы называется именно так. Рома снимает жилет и, не оглядываясь, бросает его на кровать.

От неожиданности я делаю шаг назад и попадаю на скрипящую область пола. Мужчина, словно хищник, реагирует молниеносно.

Он замирает, спина его разом напрягается. А дальше все происходит слишком быстро, чтобы можно было отделить одно действие от другого.

Глава 22

Резкое движение рукой, глухой щелчок, мужчина мгновенно подбирается, оборачивается, чуть сгибая колена, выбрасывает вперёд ладонь с зажатым пистолетом, и я даже не успеваю понять, откуда он его вытащил.

Я громко вдыхаю воздух, округляя глаза, и подскакиваю на месте. Крепко обхватываю себя руками. По спине ползёт липкий холодок страха и непреодолимого ужаса. Потому что выражение лица Беркута пугает меня – ни разу за все время, проведённое рядом с ним, я не видела своего первого мужчину таким.

В его глазах безжалостность, непримиримость, жестокость, суровость и – это, пожалуй, самое страшное – гнетущее спокойствие.

Вот кто передо мной. Дикий, бездушный хищник. И правильно. Беркут – его настоящее имя. От Ромы в этом человеке уже мало что осталось.

Я еле дышу, не в силах отвести взгляд. И шага ступить не могу. словно приросла к месту, а ноги утопают в болоте. Не понимаю, что делать.

Проходит секунда. Другая. Он не торопясь опускает оружие и выпрямляется. Грудь его вздымается очень часто. Я вижу, что он «отходит». Медленно, но расслабляется. Его

взгляд словно становится ярче. А до этого он был каменным. И принадлежал беспощадному зверю.

Молчание затягивается. Нам нечего друг другу сказать. Совсем. Передо мной незнакомец. Вчера я ложилась в постель к другому человеку.

Будто опомнившись, я отвожу взгляд, поворачиваюсь, и как можно скорее стараюсь оказаться в относительной безопасности «своей» комнаты.

Но даже когда я заперлась на замок, легче не стало. Чувствую себя в ловушке. Из которой мне никто не позволит выбраться. Но что самое отвратительное, я уже привязана к Беркуту невидимыми нитями.

Мужчина за мной не последовал. И я несказанно этому рада. Лишь спустя часа полтора я услышала уверенный стук в дверь.

– Яна. Ты весь вечер будешь сидеть взаперти?

Нервное потрясение было слишком сильным, и я дала выход слезам. А сейчас лицо распухло. Представляю, как я выгляжу. Да и боюсь его – дикого зверя, который со мной был неимоверно ласков.

– Ян. Хочешь поговорить?

Не позволяю себе даже рта раскрыть.

Пусть думает, что я уснула. Сегодня так будет даже лучше. И завтра тоже. И послезавтра.

– Я не верю, что ты спишь, – секундная запинка, и он продолжает. – Испугалась меня?

Да, испугалась. А как иначе? С такой мгновенной реакцией и убойным спокойствием поднять пистолет на человека...

Я чуть было не ответила ему. Но вовремя сдержалась. А он предпринимает ещё одну попытку.

– Это всего лишь глупое недоразумение. Выходи.

Я уткнулась в подушку.

И больше не услышала ни слова. Предпочла сегодня не попадаться ему на глаза. Потому что я не знаю, кто он на самом деле – человек или зверь. И доверять ему нельзя.

Глава 23

На дворе ночь.

Желудок урчит и дико возмущается небывалому произволу.

Я не ела ничего весь день. Утром скромно позавтракала в одиночестве. Обедать не стала – Рому ждала. А вечер тянулся бесконечно долго, и к ужину я, конечно, не вышла.

Поэтому теперь я просто умираю с голода. Уснуть не могу. Сон никак не идёт.

Тихонько поворачиваю ключ в замке и отворяю дверь. Уверена, если бы мужчина захотел войти в комнату, он бы это уже сделал.

Высовываю голову в коридор и оглядываюсь. Никого. Тихо и темно. Крадусь на цыпочках в гостиную. Свет не зажигаю, лишь включаю лампу над столом.

Приближаюсь к холодильнику, ага. Открываю дверцу и достаю первое, что попадает на глаза: яблоки и бананы.

Наскоро ополаскиваю фрукты в прохладной воде. Поворачиваю вентиль, разворачиваюсь, намереваясь дотянуться до тарелки, делаю шаг в сторону и неожиданно налетаю на твёрдую стену.

От удивления и шока я подпрыгиваю на месте.

– Черт! – яблоко выпадает из моих ослабевших пальцев и

катится по полу с приглушённым звуком. – Ты с ума сошёл?!

Беркут скрещивает руки на груди и грозно интересуется:

– Неприятно, да, когда к тебе так неожиданно подходят со спины?

– Решил проучить меня?

– Вообще-то, я просто хотел поздороваться.

И вдруг он притягивает меня к себе, крепко удерживая рядом.

– Никогда. Больше. Не подкрадывайся ко мне. Я в такие моменты себя плохо контролирую.

– Я вообще к тебе больше подходить не буду.

– Очень даже зря. Я соскучился.

Неожиданный поцелуй пробил дыру в моей глухой обороне и немного развеял непроходимую стужу в душе.

– Где ты был?

– По делам ездил.

– Я думала, ты не выезжаешь из дома.

– Очень редко, но бывает необходимость.

Он сверлит меня пронизательным взглядом. Мы оба играем в игру: кто лучше притворится, что поверил. Я в его слова. Или он в мое простодушие. И я решаюсь разорвать молчание. Слова даются мне крайне тяжело. Особенно после вчерашней ночи.

– Можно мне вернуться домой?

– Можно. Хочешь прямо сейчас?

– Ты меня отпускаешь?! Вот так просто?

– А сама как думаешь?

– Я... Не знаю. Ты говорил, нельзя...

– Через несколько дней я тебя отвезу.

– Отвезешь? Но... Я не видела машины. На чем отвезёшь?

– Слишком много вопросов, Яна, – очередное замечание,

способное остудить мой пыл.

– Я могу завтра сама уехать.

– Нет, не можешь. Я все сказал. Уедешь отсюда только со мной. Ты голодная, как я понимаю?

– Да, – желудок снова предательски заурчал. А я решила отложить этот разговор. Он даётся мне невероятно.

– Тогда поешь нормально. И пойдём... – после неожиданной заминки он спокойно продолжил, – спать.

– Сколько сейчас времени?

– Половина двенадцатого, – отвечает, не мешкая, опуская взгляд на часы.

А я люблюсь на мужские запястья. И пальцы. Думаю в эту минуту лишь об одном. Он позволит мне спать у себя? Или настоит на том, чтобы мы и сегодня спали в одной постели?

Глава 24

Как оказалось, варианта разных постелей вообще не существовало. Рома слишком преувеличил значение слова «спать». Потому что уснуть он мне не позволяет уже очень и очень долго. Кажется, пройдёт ещё полчаса и наступит утро.

– Ром, – произношу, едва подавляя зевок, – а сколько времени?

Чувствую, как веки тяжелеют, а тело расслабляется.

– Начало второго. Спи.

Легкое касание губами моего виска и я проваливаюсь в дремоту, находясь между сном и явью.

Я будто нахожусь в темном лесу, куда не пробирается ни единый луч света. А впереди меня непонятные очертания. То ли деревьев. То ли чего-то ещё, неизведанного...

Из забытья выводит какое-то странное чувство и осознание, что, все вокруг приходит в движение, и даже воздух сотрясается, а звенящая пустота неконтролируемо наполняется посторонним шумом...

Разомкнуть веки не получается, очень хочется спать. Но звук повторяется. Вновь. И вновь. Короткая, тихая вибрация. На этот раз я отчётливо могу ее слышать. А затем... Тишина.

Рядом со мной какое-то движение, тихий вздох и... Рома аккуратно откидывает с себя одеяло и не торопясь встаёт с

постели.

Я притаилась и делаю вид, что сплю. Очень боюсь, что дыхание выдаст меня. Поэтому стараюсь скрыть своё волнение и выдыхать воздух как можно медленнее.

На слух сложно ориентироваться, но я какой-то долей сознания понимаю, что мужчина открывает дверцу шкафа, почти бесшумно. Почти. Слышу шелест одежды. Невесомый. Тихий. На сердце становится тяжело. Словно я в комнате один на один с незнакомцем. Абсолютно посторонним человеком, каждое действие которого непредсказуемо.

Его практически бесшумные шаги выводят меня из равновесия.

Он одевается? Уходит? В середине ночи? И оставляет меня здесь одну?! Паника ударяет в голову, адреналин проникает в кровь. Это отрезвляет и помогает скинуть с себя остатки сна окончательно.

Рома выходит в коридор и тихо прикрывает за собой дверь. Вскоре послышался короткий собачий лай. И тут же прекратился.

Я поскорее накрываюсь с головой одеялом. Страх накапывает неудержимыми волнами. Я боюсь. Боюсь находиться в доме одна. Боюсь темноты и мрака ночи. Боюсь вылезать из-под одеяла. Боюсь наступать на прохладный пол. Боюсь, что в доме кто-то есть. Боюсь, что могут ворваться собаки и растерзать меня. Боюсь, что Рома не вернётся. Много чего боюсь...

Периодически запуская свежий воздух под одеяло, я пролежала почти без движения очень много времени. Минуты растянулись в часы. Секунды замедлили ход. А мне все также страшно засыпать.

Не знаю, сколько еще времени я пролежала, прокручивая в голове эти невеселые мысли.

В какой-то момент я почувствовала, что глаза уже закрываются. Тогда я откинула одеяло и посмотрела в окно. Светает. А его все нет. Почти всю ночь он где-то. А если Рома не придёт больше...? Проходит еще немного времени...

Лучики света, попадая на глаза, заставляют поморщиться и перевернуться на подушке. Я заставляю себя осмотреться и отмечаю, что место мужчины все ещё пусто. Неужели он не ночевал сегодня со мной и отсутствовал до утра?

Мысли как в тумане, я встаю на ноги, натягиваю мужскую футболку, даже не глядя. Опасливо распахиваю дверь.

Выхожу в коридор. Решаю направиться на кухню. Но звук льющейся в ванной воды приносит облегчение. Он вернулся.

Я тихонько разворачиваюсь и отправляюсь на кухню. Не выспалась. И голова болит.

– Привет! – через пять минут раздаётся совсем близко от меня веселый голос. – Как спалось?

– Прекрасно, – я искренне завидую его оптимизму. – А тебе?

– Не хуже, – Рома чмокает меня в макушку и отходит на приличное расстояние. – Даже выспаться успел.

Он кажется бодрым и отдохнувшим. Как ему это удаётся? Разве можно не спать ни днём, ни ночью и при этом выглядеть вот так?

На нем футболка и домашние брюки. А ленивая мальчишеская улыбка не сходит с лица.

– Давно проснулся?

– Минут двадцать назад, – я специально проверила перед тем, как выйти из комнаты. И могу с уверенностью сказать: его вещей, устало брошенных на стул или в шкаф, там нет. Он вообще после отлучки не был в спальне?

Беркут расслабленно приближается и обнимает меня со спины.

Он делает вид, что ночевал со мной? Не понимаю. Ничего не понимаю...

Опускаю растерянный взгляд на мужские руки, и у меня внезапно перехватывает дыхание. Из лёгких выкачали весь воздух. С замиранием сердца молчаливо отмечаю: сбиты костяшки пальцев. На правой руке до крови.

Куда он уходит?! Это происходит каждую ночь? Или только две последних, когда у меня появилась возможность это замечать?

Глава 25

– Я сейчас приму душ и приготовлю завтрак, – стараюсь произносить ровным, спокойным тоном, но внутри меня что-то обрывается.

Расцепляю его руки и, не оборачиваясь, уверенным шагом бреду в сторону ванной. Когда мне так захотелось узнать об этом скрытном человеке хоть что-то, он решительно отказался дать мне такую возможность.

Беркут неуловим, как ветер. Он никогда не будет принадлежать одному делу. Не будет привязан к одному месту. Не будет любить одну женщину. Да и будет ли он любить когда-либо...

Мне глупо задумываться об этом в принципе. Кто я для него? Очередная. Удобная. Уместная. Вот и все. ВСЕ.

Никто никому ничем не обязан. И он своим поведением это лишь подчеркивает. Я не вправе задавать вопросы, Беркут не обязан отвечать. Но частичка меня уже навсегда потеряна. Она останется здесь. В этом стареньком доме, с деревянными ставнями и скрипящими ступеньками. Двумя огромными овчарками, беспрекословно выполняющими любой приказ своего хозяина. Белым пушистым полотенцем и такими трепетными воспоминаниями, когда внушающий ужас гигант так нежно и трепетно касался жесткими губами

моей разбитой коленки.

Краем глаза я замечаю, что шторка в ванной медленно едет в сторону.

Успеваю прикрыться руками, схватиться за краешек непромокаемой ткани и растерянно спросить:

– Эй. Ты что хулиганишь?

– А я решил, что завтрак может подождать, – чувственная улыбка касается уголков его рта. Так бы и целовала... бесконечно... – Знать, что ты в душе, намыливаешься моим гелем, пахнешь мной, и спокойно сидеть в стороне... Это просто грех.

И тут с моих губ неожиданно срывается вопрос, бьющий в самую точку:

– И как много грехов на твоей душе, Рома?

После тех крупиц информации, что я сумела о нем раздобыть, этот вопрос кажется вполне резонным.

– Не уверен, что ты готова услышать правдивый ответ.

Он заносит ногу и целеустремленно переносит ее через бортик. Затем другую. Выпрямляется.

Этот хищник выше меня намного. Когда мужчина стоит так близко, то мне приходится задирать голову, чтобы столкнуться с ним взглядом.

Тёплая вода хлещет в спину, но почему-то мне становится холодно.

Мужчина притягивает к себе твёрдо. Без тени сомнения в голосе жестко произносит:

– Много, Яна. Слишком много. Моя грешная душа однозначно не попадёт в рай после смерти.

Он сказал это словно равнодушно. Но у меня внутри что-то защемило. И больно. Очень больно. А сердце неожиданно сделало кульбит.

Интересно... а моя душа сможет претендовать на прощение за такую желанную и опасную связь с этим мужчиной? Потому что если нет – то к черту тогда его. Прощение.

Глава 26

– Да, – Беркут отвечает коротко и по делу, прислонив телефон к уху. – Понял. Начинаем тогда.

Нажимает на кнопку отбоя, откидывает телефон в сторону, словно тот жжёт ему руку, и кладёт крепкую ладонь на мое плечо. Слегка поглаживает.

Я уже давно положила голову к нему на грудь. Платиновый шелковый водопад похож на тонкое, невесомое одеяло.

Мы провели вместе весь вечер. И сейчас он мне кажется таким тёплым, ясным, как солнышко.

– Что-то случилось?

На дворе глубокая ночь.

Мы с мужчиной оба не спим. Уже некоторое время просто лежим обнявшись. А я без зазрения совести закинула на Беркута ногу, как будто имею право делать с ним все, что моей душе угодно.

А он медленно поглаживает мою руку, неспешно пропуская гладкие волосы сквозь пальцы.

– Все по плану.

Рома в принципе не слишком многословен. Но я привыкла. Иногда он расслабляется и может выдать пару лишних фраз.

– Яна, что ты делала на той дороге? Она немногочисленная.

Откуда он знает, на какой именно?

– С кладбища ехала. Автобус сломался уже после въезда в город, и все пешком шли до остановки. Я немного замешкалась – уронила телефон. Поэтому отстала. А потом твои ребята как-то... в общем... Так странно все получилось. Они подъехали и позвали меня по имени. Я так испугалась тогда.

Ладонь, до этого мягко поглаживающая меня по голове вмиг напрягается. Мужская грудь начинает вздыматься выше.

– А кто на кладбище?

– Мама.

– Как?!

И я рассказала. Не знаю, зачем. Очень захотелось поделиться. Конечно, он ничего не смог бы сказать или поддержать, да ему и не за чем. Но молчать и отмахиваться от вопроса не было желания.

– Ты одна живешь?

– Да. Одна.

– А другие родственники у тебя есть?

– Здесь нет. Есть тетка в столице. Но мама с ней почти не общалась. Да я и сама ее видела буквально пару раз. Они с мамой только по праздникам и созванивались. Ещё дядя дальнего колена в Магадане есть. Но я его не считаю родственником. Даже не знаю, как его зовут.

– То есть... в случае чего, защитить тебя некому.

– Отчего защитить?

Беркут некоторое время продолжает молчать.

– Всякие бывают обстоятельства, – наконец, он отвечает с ленцой в голосе. – Ты работаешь?

– Конечно.

– Где?

– В небольшой фирме по резке металла – считаю зарплату. И, кстати, у меня сейчас отпуск. Знаешь... мне там не нравится. Я хочу сменить направление деятельности.

– Уже есть идеи?

– Только очень обобщенные. А ты?

– Что именно?

– Нууу... – я немного замаялась и стушевалась под сверкающим взглядом. – Хотелось бы знать о тебе больше. Хоть немного. Это ведь не твой настоящий дом?

– Я не люблю говорить о себе. Тем более, рассказывать о суровых буднях одной маленькой привлекательной девочке.

Рома вдруг начинает меня щекотать. А я выгибаюсь ему навстречу, пытаюсь прикрыться локтями, и неудержимо смеюсь на всю комнату.

Пытка прекращается, сменяясь новыми будоражащими прикосновениями твёрдых мужских губ к моему животу.

– Ром?

– М?

– Не верится, что скоро ты меня отошлешь обратно.

Он останавливается и нависает надо мной. Заглядывает в глаза.

– Яна, послезавтра я отсюда съезжаю.

Улыбка начинает медленно сползать с моего лица.

Очень странное ощущение. Я должна радоваться и быть на седьмом небе от счастья. Но... мне отчего-то хочется плакать.

Конечно, это было неизбежно. И опять жгучее, пробирающее до слез, ненавистное «но»...

– Я тебя домой отвезу. Лично.

Наплевав на все, я тянусь к лицу Ромы, кладу ладони так, чтобы удобнее было притянуть к себе за голову. И он разрешает. Легко подаётся вперёд за моими руками. Облокачивается на локти, нависая надо мной.

– А потом? – я попыталась спросить равнодушно, но голос дрогнул все равно. Потому что для меня это слишком важно.

– У меня нет ответа, Ян.

Резкая фраза бьет наотмашь. Это не у него нет ответа. Просто Беркуту не нужны истерики и сложности. Заморочки и затруднения излишни.

Очевидно, в моих глазах он читает намного больше того, что я могу позволить себе произнести вслух.

– Кто ты?

Его лицо так близко от моего, что я ощущаю тёплое, размеренное дыхание. Он как всегда спокоен. Даже сейчас, когда мое сердце рвётся к нему. Хоть я и понимаю, что глупо. Что неосмотрительно. Что нельзя...

– Человек.

Я расплачусь прямо сейчас. Как он может?! Я ведь имею в виду совсем не это! Почему он не может хоть немного открыться?! Почему?! Ну почему ему настолько все равно?!

– Это обнадеживает, – горькие слова сами срываются с губ. – Когда выезжать?

– Скорее всего, завтра.

– Хорошо.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что не следует рассказывать то, что здесь было? Все, что ты видела и слышала. Это все должно остаться только здесь.

Мужчина не торопясь заваливается на бок и указательным пальцем освободившейся руки дотрагивается до моего виска.

Я согласно прикрываю глаза. Молчу сознательно. Молчу, потому что хочется кричать и громить все вокруг. Молчу, потому что хочется выть на весь дом. Молчу, потому что хочется ударить мужчину побольнее. Вот только... он совсем не боится боли.

Нежное хрустальное сердечко, привыкшее за такое невероятно короткое время летать и парить высоко-высоко, теперь просто несется вниз с высокой скалы. И ловить его никто даже не собирается...

Глава 27

Этой ночью Рома был ненасытен. Он брал меня снова и снова, вырывая из груди рваные вздохи и тихие вскрики. Я потеряла счёт времени. Я потеряла голову. В этом доме я потеряла душу, потеряла невинность. Да что уж там. Я потеряла желание повстречать хорошего, подходящего мне человека.

Все случившееся останется здесь. В этой комнате. В этой постели. В этом доме. А ещё – с человеком, которому ничего этого даром не надо.

Весь следующий день на душе было неимоверно тяжело. Рома неизменно обнимал меня, прикасался. Возможно, я себе все это лишь придумала, но мужчина действительно целовал меня чаще. Мы были с ним близки ещё дважды.

Первый раз случился после завтрака, Рома как обычно пошёл загонять животных в вольер.

Оттуда он вернулся угрюмый и недовольный. А я слишком поздно разгадала его замысел, когда он потянулся к пуговице на порванных джинсах. Да-да. Я до сих пор их ношу, просто уже успела «смастерить» модные дырки в пострадавших местах.

Сначала я от неожиданности отпрянула в сторону, когда он неслышно приблизился ко мне в гостиной, рывком притя-

нул к себе. И разворачивая за локоть, со словами: «Да пошло оно все в задницу!» вжал в своё мощное тело. Тогда мы и опробовали диван, а Беркут даже показал мне ещё кое-что шокирующее из мира «взрослых» отношений.

Второй наш раз в день отъезда был в душе.

Я залезла под освежающие струи, способные помочь мне смыть с себя следы несдержанности Беркута хотя бы морально. Потому что на коже уже красуется пара отметок хищника. Жаль будет, когда они сойдут.

Рома, ничего не говоря, сдвинул шторку вправо и уверенно шагнул ко мне. Прохладные струи били нас своей мощностью, а я вцепилась в мужскую фигуру и воспринимала только запах «своего» мужчины и наслаждалась его неудержимыми, страстными, ритмичными движениями. Хотелось раствориться в его силе и мощи. Хотелось, чтобы этот день не заканчивался никогда... Так хотелось...

Всю дорогу домой я исподтишка наблюдала за Ромой. Он был сосредоточен и очень серьёзен. Машину вёл плавно и аккуратно, несуетливо.

Я не знаю, откуда во дворе в день отъезда взялся старенький форд. На мои вопросы Рома ответил пространственное:

– Он всегда неподалёку стоял. Ты просто внимания не обращала.

Возле подъезда автомобиль тормозит, а на меня наваливается уныние.

Я не могу найти в себе силы выбраться из машины и уйти.

А Беркут не спешит прощаться. Он смотрит вперёд. И ни единой эмоции на суровом лице.

Молчание затягивается. Оно давит и разбивает в крошево остатки моей сдержанности и рассудительности.

– Ты не планируешь мне позвонить позже, правда?

Мужчина поворачивает голову и перехватывает мой взгляд.

– Тебе это нужно меньше всего, поверь, – рубит на корню.

– Откуда ты знаешь?

– Яна. Я не мальчик, который будет звать тебя на свидания.

– Но почему нельзя просто позвонить? Здесь же нет ничего такого...

– Давай договоримся на берегу. Это не нужно ни тебе, ни мне.

Возникло такое чувство... будто он меня ударил. Аж щека горит.

– Знаешь, Ром, от берега мы давно уже отплыли.

Он ничего не отвечает, лишь отворачивается. Как будто он бездушный робот, и в его прошивку не входят задания повышенной сложности. Об эмоциях и говорить нечего.

– Ну... – обреченно пожимаю плечами. – Береги себя.

В последний раз ласкаю взглядом его профиль.

Понимаю, вырвать Беркута из памяти и сердца будет непосильной задачей. Особенно в ближайшее время.

Я тянусь к ручке, в душе все еще надеясь услышать от него

хоть что-то. Но ответа снова нет. Мне настолько неприятно, что я стараюсь поскорее удалиться. Но тут неожиданно мужчина тянется ко мне, кладёт ладонь сначала на щеку, потом быстро перемещает на затылок и притягивает к себе. Поворачивает мою голову и накрывает губами мой рот. А я начинаю резко вырываться.

– Не надо! Ну не надо уже, Ром!

– Яна! – перехватывает мои запястья.

– Просто дай мне уйти и все! Ты же сам этого хотел!

С его губ срывается громкое ругательство.

Он тянется к приборной панели и нажимает на кнопку. Тут же в машине раздаётся глухой щелчок. И авто взволнованно и резво трогается с места.

– Что ты делаешь?!

– Прокатимся кружок.

Беркут кажется расслабленным, но что-то мне подсказывает: штиль внутри него уже сменился порывистым ветром.

Понимаю: я не в том положении, чтобы давить на него. Он не обязан мне ничем. Ничего не обещал. Я, можно сказать, сама виновата, что мои желания не совпали с действительностью.

– Яна, я ничего не могу тебе сейчас сказать.

Даже странно, что он не выпнул меня из машины ещё на въезде в город, а доставил до места назначения. Однако следующая мужская фраза вышибает остатки духа, а сердце замирает...

Глава 28

– Но так хочется.

– Ты и не обязан. Просто высади меня здесь. Ни к чему тянуть. У тебя ведь дела. Верно?

– Верно.

Вопреки своим словам он сосредоточенно выворачивает руль и следит за дорожной обстановкой.

– Почему ты не останавливаешься, Рома?

Душу греет глупая надежда, что он хочет побыть со мной ещё немного. Но это абсурд. У него явно другие мысли. Более расчётливые и прозаичные.

– В твоей жизни есть сейчас хоть кто-то? – стальному голосу удается поселить сомнения в моей душе.

– Что ты имеешь в виду?

Я, правда, не понимаю. Он же знает, что кроме него никто раньше, ни один мужчина не касался меня.

– Кто-то... кто был бы тебе опорой. Защитой.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же и сам видишь, что нет.

– Яна. Никому ничего не рассказывай. Будут вопросы – скажи, что отдыхала. Меня в твоей жизни не было. Ты запомнила?

– Да, конечно, – произношу упавшим голосом. Ситуация, вроде, очень проста. Но верить не хочется. – И меня в твоей

– тоже. Запомнила.

Машина вновь тормозит. На этот раз на обочине. На этот раз Роме удаётся завладеть моим ртом, и мужчина по глотку отпивает мою душу. А я медленно провожу ладонью по его волосам. И стараюсь прижаться к нему покрепче. Наверное, не увижу больше никогда.

Он отрывается от моих губ, отпускает меня и затылком бьется о подголовник. А мне от его слов становится холодно и зябко.

– Ты ж маленькая ещё. Ну куда ж я лезу...

Тут его мобильный оживает. Он недовольно смотрит на экран и, проводя пальцем по экрану, прикладывает телефон к уху, не произнося ни слова.

Я слышу, не четко, правда, но различаю, порции отборного мата. Беркут даже не морщится, лишь слушает с каменным лицом. А после отвечает:

– Не суетись. Все в ажуре. Пусть получает свою партию и успокаивается. А дальше дело за нами, – я уже не разбираю ни слова, но мужчина просто отсекает дальнейший поток слов. – Занят я. Все.

– Поехали, – жестко, безапелляционно, холодно. Я, кажется, не смогла воспользоваться тем шансом, который мне выпал две минуты тому назад.

Пока Рома делает небольшой круг по одностороннему движению, пройдет ещё минут пять.

– А у тебя есть кто-нибудь?

Раньше это казалось странным. А теперь... я вполне готова поверить, что у него вообще нет женщины. Ни здесь, ни где-то в другом месте.

– Нет. Я одиночка, – Рома смело подтверждает мои слова. – Так проще. Нет риска, что близким сделают больно.

С этими словами меня прошибает холодный пот.

– Но кто-то из родных ведь есть. Тот, кто тебя любит, мама, например. И с ними ведь ты общаешься.

– В моей жизни нет никого. Вообще. И тебя не должно быть. Точка.

Я не знаю, как описать то, что творится в душе.

Он суровый, немногословный, жесткий. Но так хочется подарить ему хоть немного мягкости и тепла. Ему ведь это нужно, правда? Всем ведь это нужно, любому человеку...

Ругая себя последними словами, я осмеливаюсь положить руку на его широкое колено и с опаской, тихо выдавить из себя:

– И, тем не менее, я есть, Ром. Я же здесь. Рядом сижу...

Мужчина тут же накрывает мои пальцы своей широкой ладонью. Я наслаждаюсь уверенным прикосновением. И с опозданием замечаю, что машина остановилась у подъезда.

– Почему нельзя просто взять мой номер телефона, чтобы позвонить, когда будет возможность? Чтобы спросить как дела? Разве в этом есть что-то страшное?

– Яна. Твой номер у меня уже записан, – сердце мгновенно воспаряет к небу и тут же стремительно летит в пропасть с

набранной высоты. – Но я не позвоню.

– Почему?

– Хоть что-нибудь в этой жизни я сделаю правильно.

Я потерялась во времени, янтарный взгляд затягивает все глубже. Беркут тянется ко мне, но я неправильно расцениваю его действие. Он нажимает на кнопку разблокировки дверей и просто молча смотрит не меня.

– Не сможешь мне выбраться из машины?

– Нет.

Такое чувство, что он наказывает себя, а не меня, заявляя таким образом о том, что его минутная слабость осталась позади.

Ни слова прощания. Ни быстрого взгляда. Вообще ничего. Он просто терпеливо ждёт, пока я сама уйду.

Наверное, если бы во мне было немного больше гордости, я бы так и сделала.

Но я, как дурочка, как наивный ребёнок, прижимаюсь к нему крепко и, не обращая внимания на разделяющий нас подлокотник и абсолютное отсутствие любой мужской реакции, даже самой скупой, обжигаю невинным поцелуем щеку.

Только сейчас почему-то молчаливо отмечаю: Рома побрился. И в памяти всплывает всего одно мужское слово, сказанное в тот самый момент, когда я пожаловалась на колючесть его бороды.

– Услышал.

Когда я уходила, он продолжал молчать. Самое сложное

было не обернуться. И сдержать слезы. Откуда такая слепящая боль? Как будто я потеряла за короткое время сразу двух близких людей.

Глупость. Но на душе царит гнетущая темнота. И как теперь с ней справиться, я себе не представляю.

Глава 29

Состояние было, как будто трактор переехал. Первые несколько дней дома меня ничего не радовало. Я беспрестанно проверяла телефон. Вдруг Рома объявится? Ждала его всю неделю, пока ещё была дома. Потом следующую. Затем я стала чаще убирать мобильник с глаз долой. Периодически отключала звук. Только бы специально не ловить удручающую тишину и отсутствие хотя бы сигнала смс.

На работу я вышла выжатая, как лимон. Понимала ведь, что сама себя извожу. Что я для него была никем, просто спутницей, выгодно подвернувшейся под руку. И тот факт, что я не могу выбросить его из головы, ситуацию меняет мало.

Ещё две недели я старалась максимально загрузить себя работой, намеренно задерживалась допоздна. Только бы не думать о нем...

Но ночью воспоминания все равно догоняли, не давая спокойно дышать. Любовь? Вряд ли... у меня, скорее, с головной проблемы. Мне бы радоваться, что выбралась живой и... почти невредимой. Потому что все ещё помню свой страх, когда люди Беркута бесцеремонно закинули меня в машину.

Иду вдоль дома, не разбирая дороги. Приближаюсь к своему подъезду. На мне вновь лица нет.

Прошёл уже почти целый месяц. И, конечно же, от Румы нет ни весточки. А я-то, наивная, думала, что понравилась ему. По-настоящему.

Горько ухмыляюсь про себя. И вдруг...

Чувствую, что кто-то схватил меня за руку и потянул в сторону, сбивая с намеченного пути.

Я чувствую его. Запах этого мужчины. Больше так не пахнет никто. Силой и мощью. Он несильно сжимает пальцы, не желая причинять мне боль.

Сердце оживает и трепещет в его руках. И никуда мне от этого не деться.

– Поедешь со мной, – раздаётся сухой приказ. И тут же пояснение. – Надолго не задержу.

Я уже успеваю поравняться с ним, оглядываю Рому с ног до головы. Удивляясь его эффектному деловому виду. Плащ небрежно расстегнут, полы раздвигаются в сторону. Классические брюки, светлая рубашка. Волосы аккуратно зачёсаны назад, тёмные очки.

– То есть ты считаешь нормальным пропасть на месяц, а потом как ни в чем ни бывало появиться вновь?

– Садись, – подводит меня к поцарапанной старенькой серой машине и распахивает дверь. – Вопросы потом.

Его нетерпение настораживает.

Отмечаю, как он пару раз, словно невзначай, оборачивается, настороженно осматриваясь.

Я проворно усаживаюсь на сидение, пристегиваюсь, пока

он обходит машину и занимает место водителя.

– Куда мы?

Молчание становится мне ответом. Рома сосредоточенно смотрит на дорогу, как всегда собранно, спокойно. Он стягивает очки и кладет их в подлокотник.

Я прямо кожей чувствую, как он расслабляется.

Смотрю на него во все глаза. Он выглядит... как будто сошёл со страниц журнала «Деловая жизнь» или «Бизнес сегодня». Назвать его красивым – не сказать ничего. Он шикарен. Просто невероятный.

– Я не пропал, – неожиданно раздаётся рядом уверенный голос. – Я намеренно держал дистанцию и выжидал время.

– Зачем?

– Так надо.

– Ром. Кому надо?

– Тебе, в первую очередь, – он продолжает все также внимательно следить за дорогой.

– Ты мог хотя бы позвонить, – в сердцах бросаю очередную претензию. – Я ведь ждала. Каждый день.

– Мог бы. Но не позвонил, – его ладонь собственнически накрывает мое колено, а он, наконец, ловит взглядом мое серьёзное лицо. – Только не потому, что не хотел.

Осень в этом году наступила очень рано. Погода холодная, ветреная.

– Куда мы?

– Увидишь.

– Мне вечером нужно домой вернуться.

– Не вопрос.

Мы едем по незнакомым закоулкам. Этот район я знаю плохо.

Проходит минут пятнадцать, прежде чем машина плавно тормозит у старенького малоэтажного здания. Оно кажется нежилым. Даже не знаю, что это.

Рома выходит из машины и быстро обходит ее. Распахивает дверь с моей стороны и галантно подаёт руку.

Я опираюсь и выбираюсь наружу. Вновь поражаюсь разительному отличию этого холодного мужчины и того, который делил со мной постель в старом доме.

– Идём.

Я останавливаюсь и не до конца понимаю, как мне реагировать.

Он чувствует мое замешательство, обнимает за талию, крепко прижимает к себе и чмокает в макушку.

А затем уверенно направляет меня вперёд.

– Боишься?

– Опасаюсь, – соглашаюсь.

– Правильно делаешь.

Как только мы перешагиваем порог, Рома на ходу расстегивает плащ.

Не дожидаясь пока я разденусь, он вновь тянет меня за собой.

В помещении темно, но зато свежо. Один щелчок, и заго-

рается свет.

Потрясенно оглядываюсь. Не знаю, что именно я ожидала увидеть, но точно не то, что вижу.

Глава 30

По центру комнаты находятся два ряда столов. Стулья ровно задвинуты. По полу вдоль стены лежат смотанные провода. Или это кабель? Я не разбираюсь... Один из столов завален сетевыми фильтрами. На окнах опущены жалюзи. Три компьютера одиноко стоят в дальнем углу.

Создаётся впечатление заброшенного офиса, когда всех сотрудников неожиданно перевели в другое помещение.

Одно только не бьется с данным предположением. Вокруг чисто. Нет пыли, нет грязи. Проветрено.

Я перевожу вопросительный взгляд на мужчину.

– Необычно со мной, да? – звучит простой вопрос.

– Хоть бы в ресторан сводил, что ли, – говорю полнейшую чушь, но я пытаюсь хотя бы так показать свое отношение к месячному мужскому молчанию. – Для разнообразия.

– Успеется.

Его глаза освещаются ярким огнем. Внутри – пламя, всеобъемлющее, жаркое. И я боюсь обжечься. Не понимаю уже, что происходит. Чего Беркут хочет? Что делает? Почему вернулся именно сейчас?

Прав он. Необычно с ним. И даже слишком.

Дальше все происходит в одно мгновение.

Рома шагает ко мне, разворачивает лицом и аккуратно

толкает в стену. Очень быстро, порывисто расстегивает мою легкую куртку.

Раздвигает полы в сторону. Опускается на колени и утыкается носом мне в живот. Мужские пальцы забираются под свитер, чуть задирая его вверх.

Беркут хищно скользит тёплыми ладонями по моим рёбрам, переходит на талию, спускаясь ниже. Я не смогла уловить момент, когда он успел расстегнуть пуговицу на моих джинсах. И теперь смело касается губами оголенной кожи.

Мгновенно напрягаюсь. Потому что не так я себе представляла наш следующий раз. Совсем не так.

Но мужчина больше ничего не делает. Он останавливается и просто замирает. Дышит мне в живот, обжигая размеренными потоками горячего воздуха.

– Яна...

Не понимаю, что происходит, но четко улавливаю изменения его тона и настроения.

– Я специально не приходил. Намеренно не приезжал. И, тем более, не звонил. Хотел, чтобы все осталось там. В том доме, – он на секунду замолкает. А потом произносит всего два слова, и все. Моя оборона разбивается вдребезги. – Сорвался. Слабак.

Его глаза закрыты. Я зарываюсь пальцами в жесткие волосы, а он твёрдо продолжает:

– Тебе нормальный мужик нужен. Но никак не я. Тебе плохо со мной будет, Ян. И очень непросто.

И продолжает после долгой паузы.

– Один раз. Всего один раз. Прогони меня. И все. Я и близко к тебе не подойду больше.

Я округляю глаза в ответ на странную просьбу.

– Хочешь переложить всю ответственность на меня? Да не дождёшься, Ром. Желаеть отказаться от меня – пожалуйста. Но это будет только твоё решение.

После небольшой паузы он продолжает:

– Никогда. Ни с кем. Меня не обсуждай, – вновь целует мой живот, медленно ведёт губами вверх, а я запрокидываю голову и смотрю в потолок. Как меня угораздило связаться именно с этим мужчиной, от одного взгляда которого кровь бурлит в венах и хочется пройти вместе с ним через все преграды. Веря, что лучше него нет никого на свете. Вот только...

– Это так странно. Я вообще ни с кем не могу поделиться?

– Нет.

– Ром. Что происходит? Скажи мне. Чем ты занимаешься?

– Тем, что не принято обсуждать.

Он медленно запрокидывает голову назад и перетягивает мой взгляд. Поднимается и наваливается на меня весом собственного тела.

Его запах проникает в легкие, а в памяти всплывают сцены нашего уединения в том самом загородном доме. И вкус его кожи на моих губах.

Я, немного осмелев, пробираюсь ладошками под плащ.

Обнимаю мужчину за талию. Пытаюсь свести руки за его спиной и замираю. Потому что пальцы вдруг ложатся на что-то прохладное и гладкое.

Я тихо вскрикиваю и отнимаю руки.

Испуганно смотрю в серьезные глаза.

– Рома... – зачем я спрашиваю, я ведь не хочу слышать ничего. – Что у тебя за спиной?

– Ты сама знаешь ответ. Просто сделай вид, что его там нет, – я просто поражаюсь такому спокойствию. И выдержке. – И все.

Сейчас самый неподходящий момент для таких разговоров, но слова сами слетают с губ:

– Ты убивал когда-нибудь?

– Уверена, что готова услышать ответ?

– Так ведь нельзя, Ром.

– Это моя жизнь. Мой выбор. И я не заставляю тебя принимать это. Ты можешь уйти, пока ещё не поздно. И жить так, как для тебя правильно.

– Не нужно загонять меня в рамки, я ведь говорю о другом. Так не может продолжаться вечно.

– Я пока не готов это обсуждать.

– А я не готова слышать от тебя такие условия. Не готова каждый раз обнимать тебя и наталкиваться на пистолет за спиной.

– Тогда прогони меня. Давай. Пошли меня к черту. Прямо сейчас. Потому что это мой щит. И иначе точно не будет. Во

всяком случае, не в ближайшее время.

Фраза выбивает остатки духа. И проникает на задворки сознания. Ноет внутри. Отдаваясь тупой, приглушенной болью.

Он хочет, чтобы я сама от него отвернулась, все для этого делает, бьет словами, намеренно отнимая возможность потом сказать ему, что у меня не было выбора. Наверное, инстинкт самосохранения должен кричать и вопить, побуждая послать Беркута к черту и просто уйти, никогда не возвращаясь даже мыслями к этому мужчине.

Но частичка моей души уже неизменно живет с ним. Никогда не думала, что можно привязаться к кому-то за такое короткое время. Я сама раскрылась перед ним. Сама преподнесла в ладошках своё трепещущее сердечко. И как с ним поступить – решать ему одному. Безжалостному бандиту, который ведёт свою жестокую игру, ни перед кем не отчитывается. И никогда ни перед кем не встанет на колени.

Если я захочу уйти, он примет это без сожалений, навсегда вычеркнув меня из своей судьбы. Полной опасности. Безжалостной. Такой, где полностью отсутствует сострадание, а цена человеческой жизни ничтожно мала.

– Значит, ты не готов говорить о будущем?

– Сегодня нет. Я бы, правда, хотел, но только не сейчас.

– И какое место ты готов мне отвести в череде своих дней?

– Яна, ты понимаешь, что именно мы обсуждаем? Я вообще не должен этого предлагать. А ты не должна соглашаться.

Но я здесь. Меня к тебе как будто кто-то верёвкой тянет. И внутри становится пусто, стоит только допустить мысль, что дорога к тебе навсегда закроется. Яна, я сам не знаю теперь, что с этим делать.

Его взгляд медленно скользит по моему лицу, задерживаясь на губах. Зрачки расширяются, углубляется дыхание. Я знаю, о чем он думает сейчас. О той ночи. Последней нашей совместной ночи в отдаленном домике со сторожевыми псами. Самой яркой, острой и откровенной из тех, которые мы провели вместе. Он был так нежен тогда... так ненасытен. Его запах вновь окружает меня, и я могу коснуться его сама, нужно только руку протянуть. И мое тело внезапно ощущает дрожь, чувственное напряжение и тепло.

Наверное, сложно любить такого, как Беркут. Ну и что? Мне от этого всепоглощающего чувства все равно уже никуда не деться. Слишком поздно.

Потому что я уже бесповоротно в него влюбилась. Он сумел прорваться глубоко, в самую душу.

Глава 31

Без него дни тянутся бесконечно долго. Но... Я все же смогла стать для Ромы нечто большим, чем просто девочкой на ночь.

Он стал мне звонить. Не так часто, как мне бы хотелось. Но это уже колоссальный шаг вперед.

Сообщения для Беркута вообще пустая трата времени. Я получила от силы три-четыре коротких послания за четыре месяца. Так что смс – не самый лучший вариант связаться с мужчиной. Но звонки... Это абсолютно другое дело.

Мы общаемся почти каждый день. Обсуждаем все на свете... кроме его «работы».

Видимся мы стабильно два-три раза в неделю. Иногда даже чаще. Однажды он даже забрал меня к себе на шесть дней. Дважды он отлучался, но это было оговорено открыто. Он предупредил заранее, что будет отсутствовать пару часов. А не как в прошлый раз. Молча собрался и под покровом ночи покинул дом...

Я не могу найти определение нашим отношениям. Рома до сих пор говорит, что он одиночка. И что он так привык. Я вижу, ему тяжело впускать в свою жизнь и в свой холостяцкий быт кого-то второго. Но он все равно выделил мне полку в шкафу. И в ванной. С одной оговоркой. Я пообещала

пользоваться только его гелем для душа. Не знаю даже, как это объяснить. У него крышу сносит, когда он чувствует на мне свой запах.

Самое странное, что теперь Рома живет в другом месте. На окраине города. Дом стоит на отшибе. Собак он перевёз туда. Правда вольера там нет, а животные свободно передвигаются по территории.

На вопросы, его ли это имущество, Рома прямо не ответил ни разу. Как всегда играючи лавировал. Я думаю, он снял этот дом для наших встреч. Возможно, жильё принадлежит кому-то из его... «друзей».

Меня Беркут никому не показывает, ревностно охраняя свои личные интересы. Только три человека были удостоены чести бывать в «нашем» доме в мое присутствие. Вернее, им всегда открыта туда дорога. И они приезжают по необходимости, но как гости.

Рома... он такой... разный. Со мной – обходительный. Строгий, но мягкий. Заботливый диктатор.

А с другими он меняется. Даже его речь становится иной. Я не всегда понимаю, значение некоторых фраз, когда он разговаривает с Арсом, которого, как я знаю, зовут Олег. Или Хакером, имя которого – Виктор. Третьего человека, допущенного в ближнее окружение, они называют Карат. Высокий, крепкий лысый мужчина, с всегда спокойным голосом.

Но я стараюсь не попадаться им на глаза. Несколько раз я

слышала их разговоры о металле. Не поняла, что именно, это значит. Драгоценные металлы или нет, добыча, перекуп или завод по обработке... Рома никогда не обсуждает со мной такие вещи. Но я даже рада. Мне эта информация ни к чему.

Сегодня любимый забирает меня к себе. Снова.

Наконец! Я каждую встречу с ним жду, как праздник, а домой возвращаюсь с тяжелым сердцем. Я отчаянно скучаю по мужчине, когда он далеко.

Один только раз он сам спросил меня о будущем. Чего хочу и кем я вообще вижу себя через несколько лет.

Тихий вопрос заставил меня насторожиться:

– Если мне нужно будет уехать. Ты поедешь со мной?

Это вышло очень неожиданно и странно. Никакой конкретики не было, а без этого мне сложновато стало сориентироваться и искренне ответить. И, уж тем более, серьезно плодотворно поговорить.

В тот день перед расставанием Рома сказал, что чуть позже он отойдет от дел. Не сейчас, но потом. И если я согласна немного подождать его, то у нас с ним, возможно, когда-нибудь будет совместное будущее.

Вот только одна фраза особенно резанула сердце:

– Я бы этого хотел. Вопрос лишь в цене. Я не готов тобой рисковать.

Глава 32

Сажу на кровати, свесив ноги. Ступни едва касаются пола. Душа замирает, неприятное предчувствие скребёт остатки души. Сердце не на месте. Что-то обязательно произойдёт. Случится что-то непоправимое. Скоро. Очень скоро... Я сама не понимаю, откуда такие мысли. Но чувство неуловимой потери, такой сильной и яркой, витает в воздухе.

Рома стоит у окна спиной ко мне. Он напряжен. Чрезмерно. Это странно и абсолютно несвойственно расчетливому Беркуту. Последующее заявление перекрывает кислород. Становится сложно дышать.

– На меня готовится нападение, – Рома оборачивается и продолжает, – мне нужно будет уехать, немного отсидеться. И тебе тоже. Пустим их по ложному следу. Мои люди помогут тебе скрыться...

Я не понимаю, как реагировать. Сегодня я уже не та, что была вчера. Сегодня все изменилось. Сегодня я в ответе не только за себя. И больше я не могу делать вид, что все нормально.

– А мне зачем уезжать?

Он стоит в нескольких шагах от кровати, поджимает губы и молча обнимает меня жестким взглядом. Его грудь тяжело вздымается под футболкой. А я нетерпеливо жду... Жду ответа. И не слышу его.

– Рома. Я задала тебе вопрос.

Его лицо всегда казалось мне прекрасным, хоть и суровым. Красивым. Мужественным. Как и душа, но я знаю слишком много всего, твердящего об обратном.

– Так надо. Я хочу быть уверен в твоей безопасности.

– А здесь я буду под ударом?

– Яна. Это очень серьезный вопрос. Лучше подстраховаться.

Я поднимаюсь и подхожу к нему, не замечая, как ледяной пол холодит ступни. Кладу ладони мужчине на грудь. С трудом пытаюсь выровнять дыхание. Сердце учащенно бьется.

– А если я не хочу уезжать? Ты меня заставишь?

Мужчина твердо кладет ладони на мои хрупкие плечи и разворачивает спиной к окну. А сам прижимается крепко-крепко. И утыкается подбородком мне в макушку.

Я чувствую исходящий от стеклопакета холод. Но даже он не сравнится с лютым морозом в душе.

Так горько... Так болит сердце и рвётся на части...

Беркут. Это не просто второе имя. Это настоящая визитная карточка моего мужчины в его жестоком мире. Том самом мире, где Рому так называют все. И где для меня нет и никогда не было места. И он честно признался в этом еще тогда. Но теперь... Теперь все изменилось. И нас уже не двое.

Я тону в родном запахе. Таком любимом, терпком. Самом лучшем. И не осознаю, как быть дальше. Теперь я ужасно боюсь.

– Я понимаю, что сложно. Я понимаю, что тебе тяжело. Но потом все будет по-другому, – Рома тихо шепчет мне на ухо, пытаюсь успокоить. – Просто сейчас нам надо ещё немножко продержаться. Я обещаю, все изменится. Я все для этого сделаю, Яна.

– А если не получится? Как тогда жить?

– Это скоро закончится. Опасность останется позади. Просто потерпи ещё немного. Я ведь ни разу тебя не обманывал.

– Ты думаешь все так просто, да?

– Нет. Совсем непросто. Но это легче, чем ты считаешь.

– Сколько у нас есть времени?

– Неделя. Это максимум. Но я не хочу рисковать. Завтра начнем собираться.

– И сколько нам еще жить... вот так? – не получается унять дрожь в голосе. Я не представляю, как он отреагирует, когда узнает... – Рома. Я женщина. И мне нужны гарантии.

Я даже не могу словами описать то, что происходит внутри меня. Болезненное ощущение. Хочется кричать, разбить что-нибудь. Ну как же так?! Почему?! Ну почему?!

Близость любимого как всегда обжигает, но теперь я в этом огне сгораю дотла, без возможности возрождения из пепла.

Я уже чувствую засасывающую пустоту. Хоть он ещё рядом. Душа уже как решето, хоть он ещё близко.

Все. Это конец. Осознание предательски нашёптывает

неприятную правду. Это самый настоящий конец. И в будущем больше не будет нас. Осознание этого предательски бьет в солнечное сплетение. Вот, что за чувство горькой потери разъедало душу...

– Ненавижу, когда ты так громко молчишь.

Беркут не отвечает. Значит, дело действительно плохо. Значит... все намного хуже, чем он пытается показать. И я неуверенно добиваю его, огорошивая своим тихим шепотом:

– Рома, мы так больше не сможем... Пойми...

Внезапно удручающая тишина вокруг нас резко сменяется громкими звуками, снаружи дома начинается какая-то суета. Но собаки молчат, даже не лают. Странно...

Рома резко напрягается и прищуривается, глядя мне в глаза. И впервые на его всегда уверенном лице я замечаю затравленное выражение. Опасная мысль слишком поздно приходит мне в голову и бьет наотмашь.

Мы уже в ловушке...

Они решили ударить в момент, когда он более беззащитен, чем кажется...

Дальше все происходит буквально за секунду. Рома словно замахивается и, касаясь плеча, толкает меня, пытаясь отстранить в сторону и как будто вниз. Тут же звучит хладнокровный, отстранённый тон:

– Отойд...

И все... Дальше мир взрывается оглушительными звуками и ярким мерцанием.

Раздается звук бьющегося стекла. Кажется, что все вокруг приходит в движение.

Натренированный хищник отреагировал мгновенно. Я все еще ощущаю крепкую хватку на плече. Кожа ноет от нерассчитанной силы. Меня отбросило в сторону. Картина перед глазами почему-то начинает тускнеть. Везде шум, гам, снаружи громкие хлопки, чьи-то посторонние крики. Или мне все это только кажется... Вроде как полулежу возле крови, на полу, и не могу встать. В голове все смешалось, я не понимаю, что происходит. Ощущаю только, что бок болит, я им ударилась? Сознание уплывает вдаль. Голова тяжелая. Меня вроде бы кто-то дергает за руку... А я глупо смотрю перед собой. Грубый, резкий оклик слышу будто со стороны.

– Давай, давай, ЯНА!!!

Голос Ромы. Любимый кричит... Чувствую боль в запястье. Странное чувство, кожа чешется на запястье и как будто кто-то колет его иглами. Вокруг все стало светлым, с темными очертаниями. И почему жёлтыми отблесками... а дальше... все смешивается в одну картину и белый свет затмевает все...

Глава 33

Короткие отблески сознания мерцают в голове.

Странное ощущение. Будто один предмет медленно отделяется от другого. Раз... И все. Секунду назад было только забвение, только тьма и пустота. Тишина и холод. А теперь лютый мороз я ощущаю кожей. В мозгу словно никак не найдёт пристанище рой пчёл. Что-то беспрерывно стучит. А на задворках памяти мелькают звуки выстрелов, посторонние голоса и резкий окрик. Перед глазами непонятный калейдоскоп. Цвет зарева плавно переходит в мерцание огня. Всюду яркие вспышки, как огонь, что догорает в душе. Собственное тело я ощущаю будто со стороны.

Глаза открываю еле-еле. И сначала не понимаю, где я нахожусь. Большое пластиковое окно с закруглёнными углами. А за ним – мелькают расплывающиеся темные картины.

Но я не могу зацепиться за них глазами.

Голова болит. Как будто сзади кто-то давит чем-то жестким.

Опускаю глаза в пол и смотрю на пару массивных кроссовок. Знакомых, кстати говоря.

– Проснулась?

Я резко подскакиваю (если, конечно, так можно выразиться), морщусь от боли и пораженно смотрю на Хакера. И только

ко сейчас доходит осознание... Нет. Не может быть!

Оборачиваюсь.

Электричка! Народу немного. За окном светает. Вот откуда этот цвет зари. Солнце всходит. Получается, сейчас раннее утро.

– Куда мы едем? Где Рома?!

Слова даются очень тяжело и в горле пересохло.

А Хакер наклоняется ко мне, хватая за руку, заставляя посмотреть на него.

– Тише. Не суетись. Пить хочешь?

В ответ я лишь коротко киваю и вижу полулитровую бутылку минералки в его руках.

Откручиваю крышку и жадно присасываюсь. И только потом задумываюсь. Стоит ли у него что-то брать...

– Нормально себя чувствуешь?

Его голос звучит очень тихо. Со стороны, наверное, можно подумать, что мы влюблённая пара и тихонько обсуждаем планы на вечер.

Я закручиваю крышку и обращаю внимание, что на мне надета чужая вещь. Огромная чёрная куртка. Это явно смешно смотрится. И неуместно. Перевожу растерянный взгляд на мужчину.

Хакер вновь подаётся вперёд и поясняет вполголоса:

– Твоя одежда вся в крови. Сейчас пойдём в туалет. Я подожду у двери. А ты снимешь с себя грязные вещи. Уберёшь в сумку, потом выбросишь. Все поняла?

– Где Рома? – взгляд Хакера становится твёрдым. – Он жив?

– Пулю поймал. Кровь на твоей одежде – его. У тебя самой ещё голова пробита. Но я точно не скажу, под волосами не копался. Капюшон пока не снимай. Потом к врачу сходишь. Скажешь, упала и ударилась. Ясно?

Согласно киваю, не в силах в полной мере осознать услышанное. Сейчас меня интересует только одно:

– Он будет жить?

– Яна. Его подстрелили. Ранение в грудь. С таким не живут.

Я не верю! НЕ ВЕРЮ! НЕ ВЕРЮ!!!

– Ты что... бросил его?! И даже в больницу не отвез?!!

– ТИииХОоо, – раздаётся злобный шёпот. Я мгновенно прикусываю язык. – Я здесь по чьему приказу, как считаешь? Или, думаешь, решил на паровозике прокатиться лишний раз?

Свет вокруг для меня померк. Мужчина и дальше шевелит губами и что-то мне говорит, но я не слышу... ничего не слышу... а в голове отдаются холодные слова:

«С таким не живут... не живут... НЕ Ж И В У Т...»

Меня резко начинает тошнить. Неприятный комок подкапывает к горлу, а из глаз уже льются слезы... Запястье перебинтовано.

Моя одежда в его крови. Господи...

Глава 34

– Идём.

Встаю, как марионетка, и иду вперёд. Даже если он меня сейчас сбросит с поезда, мне уже будет все равно. И это самое ужасное.

Зачем мне теперь уезжать?

Хакер хватается мою руку и насильно тянет следом. Приоткрывает скрипучую дверь и толкает меня в маленькое отделение, где пахнет мочой и куревом.

– У тебя две минуты, – протягивает пакет, кивает вниз, заставляя меня опустить глаза.

Мужчина чуть приоткрывает спортивную сумку, которую я замечаю только сейчас. И вытаскивает оттуда мою футболку. И спортивные штаны. Но... я совершенно точно уверена, что они должны лежать в моем шкафу!

– Взял первое, что под руку попало.

Я отказываюсь верить и понимать. Он был у меня дома?! У меня что... проходной двор, раз любой человек может зайти в мое отсутствие?!

– Потом вопросы. Давай быстрее.

Захожу внутрь. Хочу закрыться, но щеколда сломана. Тут настолько неприятно, что даже прикасаться ни к чему нет желания.

Стараюсь как можно скорее переодеться, что на деле оказывается довольно трудной задачей.

Поверх чистой одежды я вновь натянула теплую куртку, спрятав голову под капюшон. Я вышла в тамбур, предварительно сложив перепачканные вещи в пакет.

Мы с Хакером стоим близко друг к другу. Вокруг нас никого нет. Но мужчина продолжает говорить тихо:

– Тебе нужно немного прийти в себя.

– Почему ты вообще здесь?

– Бер отправил. Сказал, жизнью за тебя отвечаю. Знаешь, Яна, считаю, что ты не достойна моей жизни. Глупая слишком.

– Что?! – я поражена ещё сильнее.

– Задаёшь ненужные вопросы. Не слушаешь ответы.

– Он истекает кровью где-то, а ты языком чешешь?

– Если бы не ты, его бы там не было. Или он был бы на чеку. Жив и здоров.

– Ты делаешь меня виноватой? В том, как вы живёте?

– Хочешь совет?

– Давай.

– Уезжай. Он хотел тебя спрятать. Но не успел. Узнают всю подноготную – добьют окончательно.

– За что, я же ничего не сделала?

– В назидание. Пойми. Не могло у таких, как он, быть слабостей. Он был вольной птицей. Как бы вы оба ни надеялись на обратное.

За то, что он говорит о Роме в прошедшем времени, мне хочется расцарапать его лицо. Или ударить побольнее, разбить нос об стенку... Что угодно, только бы причинить ему физическую боль.

– О чем ты?

– Держи, – он намеренно игнорирует мой вопрос. – Постарайся использовать с умом. Если получится.

– Что это...

Глава 35

Я еле сдержала вскрик, закрыв рот рукой. Под вещами в спортивной сумке лежат... деньги. Пачки перевязанных канцелярской резинкой купюр. Я, в полнейшем шоке и неадекватности, просто оттолкнула от себя все это богатство, испуганно прошептав:

– Что это... Витя... Что?!

– Закрой сумку. И повесь на плечо. Сбоку найдёшь свой паспорт. Можешь поехать, куда хочешь. Главное – подальше.

– Ты у меня дома был?

– А разве это не очевидно?

Трясущийся пол уходит из-под ног. Я не понимаю, как мне реагировать. Я не хочу. Не хочу уезжать! Да и куда мне податься? И зачем?!

Очевидно, в глазах моих отражён такой ужас, что Хакер решает пояснить:

– Будут копать. На тебя могут выйти. А дальше что может быть, я вообще думать не хочу. Защищать тебя никто не станет. Хочешь рискнуть – дело твоё. На ближайшей остановке я выйду. И больше я тебя не знаю.

– Но зачем же обязательно уезжать?

– Не будь душой, Яна. Нужно было изначально не связываться. Забудь все, что видела. Все, что слышала. Все, о чем

узнала. И его забудь. Как страшный сон. Как будто и не было никогда.

– Он выживет, – заявляю твёрдо.

– Да он уже труп. Но даже если и нет, то что? Не сегодня, так завтра его все равно добьют. А если ты окажешься в неудачное время в неудачном месте, то обычная летальная огнестрелка намного предпочтительнее того, что могут сделать с тобой его враги просто назло.

Отказываюсь верить. Не хочу. Не могу. Но неужели им вообще нельзя любить в жизни хоть кого-то?

– Я не понимаю. Причём здесь «враги», «назло»... разве это нормально – отыгрываться на слабых?

– Ты – его слабость. А грамотный противник всегда бьет в самое незащищенное место.

– Но ведь так не бывает!

– Яна, я тебе не советую проверять.

Не могу в толк взять, что именно меня цепляет в мужских словах. Холодность? Спокойствие? Нет. Что-то другое. И я не могу уловить ускользающую нить. Он со мной разговаривает снисходительно, как с неразумной. Но еще... еще он произнес последнюю фразу так... Мне показалось, что голос его дрогнул.

– Скажи, Вить, а у тебя есть семья?

– Была. Раньше, – Хакер произносит равнодушным тоном. Кажется, он взял себя в руки.

– А теперь? Они тоже уехали?

– Их больше нет. Ни жены, ни ребёнка.

Кажется, я пропустила еще один удар. Только что. Как это «*больше нет*»?!

– Что произошло...?

– Что произошло?! В дом пустили газ. А меня не было рядом. И я ничего не мог сделать. Поэтому... Яна, то, что я говорю – не просто слова.

Как можно ТАК жить? КАК можно?!

Слезы текут по лицу. Я обнимаю себя за плечи, чувствуя, как сумка с деньгами просто жжет плечо и прогибает меня...

Рома...

Наша связь длилась недолго. Четыре месяца. Всего четыре... Но ощущение такое, как будто уже целая жизнь прошла. И за плечами теперь такой тяжкий груз, словно я за это время пережила больше, чем за все годы до НЕГО.

– Поезд едет до... – Хакер называет станцию, а я мысленно отмечаю, что мне все равно и некуда податься. Ни одной живой души, готовой принять меня. А еще мама останется здесь навсегда. Но мне нужно уходить. Нет. Не так. Мне необходимо бежать отсюда, сломя голову, потому что спокойно жить в родном городе и дальше я просто не смогу. Это выше моих сил. Это невозможно. Я должна начать заново. Мне есть, для кого стараться. Точнее... будет. – А я выхожу на следующей. Всего тебе хорошего. Яна. И запомни. Если что, я тебя не знаю.

– Витя, почему я так долго не просыпалась? – этот вопрос

только сейчас возник в голосе.

– Я сделал тебе укол. Ты просто спала.

– ЧТО?! – укол?! Какой к черту укол?! А если он навредит...?!

У меня вдруг зачесались ладони.

Как только приду в себя сразу пойду к врачу!

– Успокойся. Это безопасно, – выглядывает в окно. – Тормозим.

Через четыре часа я уже сидела в поезде до столицы. Билеты спокойно лежали на столике, мирно ожидая контролера. Из вещей – только то, что на мне надето. Телефон в кармане. И ключи от квартиры, воспользоваться которыми я смогу еще очень нескоро.

По местным новостям уже трубили о перестрелке на окраине города с жертвами. Но я старалась не слушать.

Я уезжала, размазывая влагу по лицу. Покидала родной город с одним лишь желанием: начать новую жизнь. Там, где меня никто не знает. Там, где до меня никогда не доберутся. Возможно, через пару лет все устаканится и забудется. И я смогу вздохнуть свободно.

Когда мы ехали с Ромой в наше «убежище», я уже знала, что ношу под сердцем его ребёнка. И теперь я ухожу беременная и беззащитная. И сюда я вернусь еще нескоро. Потому что боюсь, а после слов Хакера еще сильнее.

Рисковать собой – это одно. А ставить под удар невинную душу – совсем другое. Сегодня погасла одна звезда, но через

несколько месяцев на небе жизни зажжется другая...

Мои мысли только с *НИМ*. Если бы он узнал, как бы отреагировал? Насторожился бы сначала, это точно. А потом скупно улыбнулся. Как всегда был бы немногословен. А потом, наверное, обнял бы меня и сказал, что все будет хорошо. И скоро мы с ним будем жить по-другому. Как настоящая семья. Вот только я позабыла. С самого начала Беркут поставил меня в известность, что он одиночка. И всегда летает без пары. В его жизни нет места никому, и мне в ней тоже быть не положено.

Горько. Скорбно. И очень больно. Болит все. И душа, и тело. Еще и тошнит вдобавок. Но я справлюсь. Мне теперь есть, для кого жить. И я буду это делать за нас двоих. За себя и за Рому.